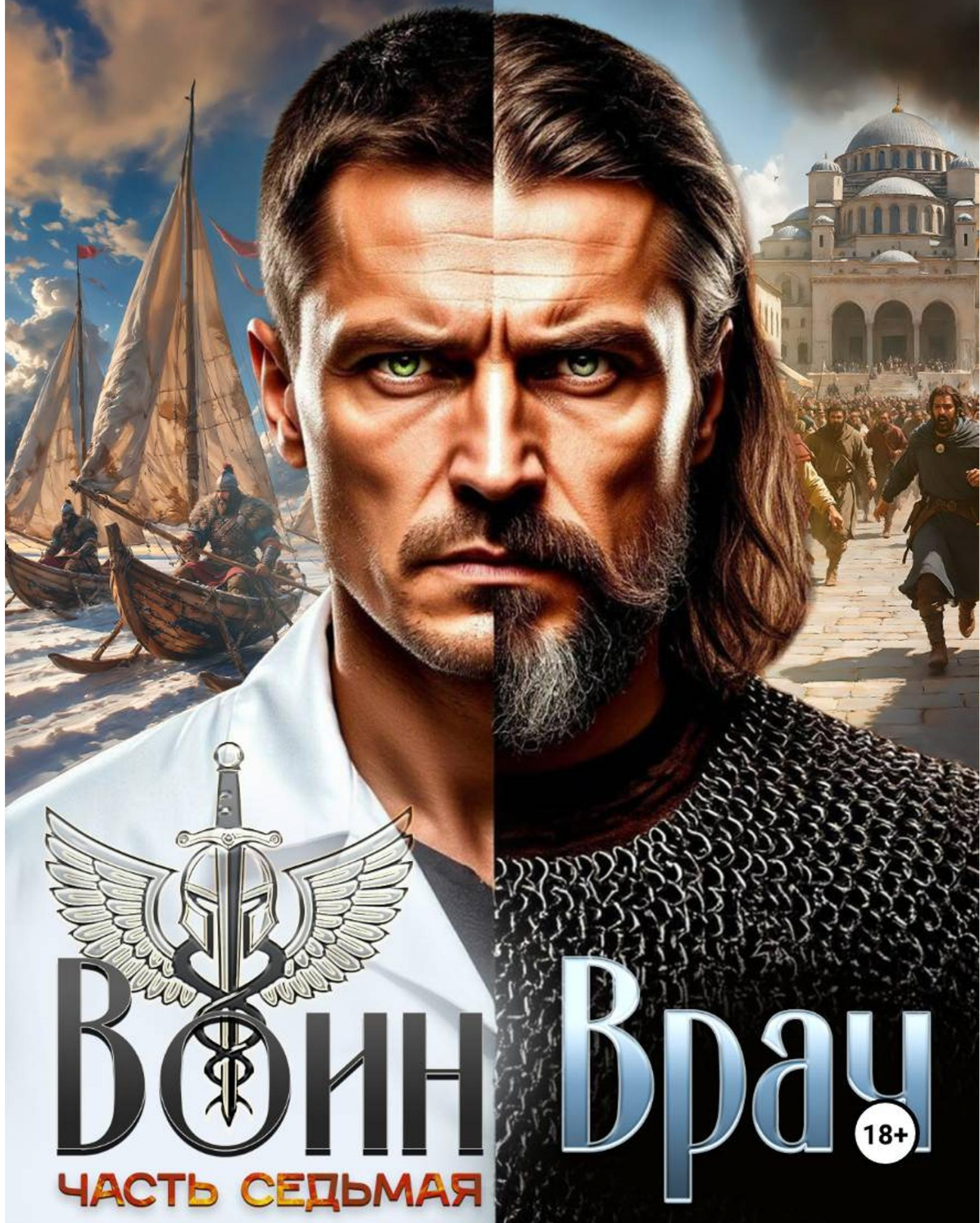

ОЛЕГ ДМИТРИЕВ

ВОИН

ВРАЧ

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

18+

Олег Дмитриев

Воин-Врач VII

«Автор»

2026

Дмитриев О.

Воин-Врач VII / О. Дмитриев — «Автор», 2026

Новые приключения старого Врача в теле и времени князя Полоцкого, легендарного Всеслава Чародея! История не знает сослагательного наклонения, даже альтернативная. А великий князь Руси продолжает сшибать спесь с лидеров мировой величины. Три центра силы: Западная Римская империя, Византия и Сельджукский султанат. Русь в окружении врагов? Кого с кем заперли на этот раз? Внимание: Все, абсолютно все события, персонажи, имена людей и животных, географические, экономико-политические и прочие факты и догадки являются исключительно вымыслом автора и ничего общего с реальной историей не имеют. И автору искренне жаль.

© Дмитриев О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ну вот мы и дома!	5
Глава 2. Домашние хлопоты	11
Глава 3. Вот и оставляй их одних!	16
Глава 4. Яблочки от яблоньки	22
Глава 5. Готовность номер один	27
Глава 6. Резать по-живому	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Дмитриев

Воин-Врач VII

Глава 1. Ну вот мы и дома!

Соревнуясь в том, кто придумает ромеям самый печальный финал, хохотали с Гнатом на всю Двину. Но замолчали оба разом, когда из-за очередного поворота показались знакомые места. Они все здесь по пути были знакомыми, конечно, и уже несколько раз высыпали на берега пешие и конные, крича здравицы великому князю и добрым ратникам его. А теперь впереди виделось место последнего вынужденного привала до Юрьева, тот самый островок у излучины, где сливались воды большой и малой рек.. Но на этот раз заторов из брёвен на пути не было.

Берега слева и справа были усыпаны людьми, густо. И все приветствовали нас. Махали руками, кричали, некоторые даже прыгали от избытка эмоций, которыми здешний люд сроду, кажется, богат не был. Рванулись с обеих сторон, вынуждая Яновых поднять автоматически луки и самострелы, маленькие челночки. Местные привезли на них и передали воинам князя свежий хлеб, молоко, мясо, ягоды-грибы. И неустанно благодарили, поздравляли с возвращением, улыбаясь широко и искренне. Наши кивали, улыбались в ответ, кланялись в пояс. Те, кто владел здешним наречием, перебрасывались парой фраз, виновато: дескать, погостили бы с радостью, но служба княжья шуток не терпит, в Полоцке ждут, пора нам. Лодочники понятиливо кивали и отваливали к берегам. С которых не прекращали кричать. И, кажется, продолжали, когда последняя наша лодья уже скрылась за поворотом Двины.

Витень после той планёрки с капитанам у карты снарядил вверх по течению быстрый чёлн о четырёх парах крепких вёсел. Тот летел, задрал нос и словно почти не касаясь воды, а гребцы оглашали округу криками, возвещая о скором возвращении на родную землю хозяина с дружиной. И берега начали наполняться людьми. Увидеть великого князя, Чародея, волка-оборотня, или любого из его лютого воинства считалось доброй приметой уже и здесь, вдали от Киева и Полоцка.

Тяжёлые неуклюжие кнорры плелись следом размеренно, и не пробуя тягаться в скорости с лодьями. Десяток их тянулся по Двине неторопливо, важно. Крутовы драккары довели караван до Юрьева и сдали под охрану тамошним стражникам. Команды из вагров, датчан, рюан и наших передохнули в дивном городе, что вырос на юго-восточном берегу Варяжского моря с поразительной скоростью. Погуляли по широким чистым улицам, мощёным серым камнем, поглядели, разевая рты и ахая, на границы огромной страны, а точнее – союзного государства, почитали названия далёких городов, о многих из которых никогда не слышали. Сытно поели в корчмах и сладко выпались на постоянных дворах, где с них, как с княжьих служилых людей, наотрез отказались брать плату. Рассказали в благодарность корчмарям истории о западном походе Всеслава, отдельно отмечая те, свидетелями которых были сами. О страшном пожаре в Янхольме, бывшем Рибе. О подвиге Яна Немого, что грудью заслонил великого князя от порождения самого Сатаны. О превращении Шлезвига в Юрьев-Северный, город-побратим. Добрые юрьевцы охали, ругались, грустили и радовались. А жителям далёкого города-тёзки тут же порешили собрать гостинцев со здешних земель, за знакомство и на вечную дружбу. Раз отсееяться в этом году ладом не успели они, по дурной прихоти того Хольсена, что батюшка-князь поделом на кол определил, значит надо зерна послать? Мёду обязательно, грибов сушёных, рыбы вяленой, их много можно за раз увезти, лёгкие же. Репы опять же. На смущённые

слова гребцов из тех краёв – мол, не надо, есть у нас – отмахнулись только: да чего у вас там есть-то на севере, кроме льда и трески? Самый дальний край родной земли, от матёрого берега вона аж где, да германцы под самым боком. Нет, возьмёте, что дадим, и отказом даже не думайте обижать!

Мы об этом узнали позже гораздо, в Полоцке уже. О том, как сами, без приказа, решили одни люди русские другим помочь. И плевать всем было на то, что среди них были в основном поморяне, пруссы, латгалы, вагры и датчане. Люд, живший в городах и поселениях за щитами со Всеславовым зна́ком, видевший силу и богатство, широту и простор родной земли на привычных и знакомых белых экранах на каждой крупной торговой площади, звал себя русским. Уверенно и гордо.

Десяток тяжёлых кнорров добрался до устья Полóты через седмицу после нашего возвращения. И три полных дня гребцы и кормчие ходили, восхищаясь красотой, удобством и богатством стольного града Полоцка. Своими глазами видя тех, о ком слышали некоторые в походе от друзей-русов. Которые сразу же расхватили по домам тех из них, с кем сидели на вёслах, ходили по датским лесам, по холмам Британии. По далёкому памятному Всеславу полю. Смотрели гости во все глаза на Ставра на Гарасиме. На Буривою. На патриарха Всея Руси отца Ивана, что когда-то очень давно ходил под солнечным стягом в дружине руян, под рукой деда нынешнего князя, Крута Гривенича. На хромого одноглазого наставника Кузьму, вечно в кольце непривычно серьёзных пострелят-мальчишек с цепкими взглядами. И каждый вечер собирались они на площади у Святой Софии, глядя на белый экран, что здесь, в Полоцке, звали незнакомым словом «стенгазета».

А после ушли вниз по течению, к родным домам и семьям, везя с собой гостинцы от друзей и боевых товарищей. Полные лоды товара, инструмента, сырья, соли и железа. Везя Полоцких мастеров, что должны были обучить их земляков новым способам плавки,ковки, литья, ткачества, гончарного и плотницкого дела. И думать не думали о том, что обратный груз был куда как дороже того, что привезли они вверх по Двине. Ведь золото – это просто золото. Даже десять полных кнорров. А главным богатством необъятной страны были и оставались они. Люди.

В том возвращении удивляли нас не только они. После того невероятного что для нас, что для местных племён сборища на берегах возле Конкаузена, той излучины, где мы дожидались разбора завалов из сплавленных на Двину брёвен по пути на запад, взялась удивлять сама природа.

Народ вдоль берегов выше по течению стал попадаться промокший насквозь. Впереди так и висело низкое свинцовое небо, но над нами продолжало светить Солнце, а ветер гнал волны против течения, и нас вместе с ними, да так, что приходилось убирать вёсла. Рысь многозначительно поглядывал на небо и делал умное лицо, дескать, говорил же я, Они явно помогать взялись. Ливни, что зарядили до срока, но как-то удивительно локально, наполнили обмелевшую за жаркое лето реку. Те места, что отметил на карте Витень, прошли без ожидаемых помех: поднялась вода. Нас накрыло лишь однажды, уже на подходе к Полоцку. Но мужики на вёслах ничуть не расстроились убранными парусам, а только песню затянули. Так и вышел наш караван из-за поворота Двины: насквозь мокрый, но счастливый и радостный, догоняя раздольную старую песнь Полоцких лодейщиков, которую уже подтягивали на пристанях впереди. Мимо песчаного левого берега, где впадала в Двину речка Чёрная, к устью Полóты на правом берегу, к высокому холму с красавицей-Софией над ним. К родному дому.

*Ты неси, Двина, Двина-матушка,
Лоды быстрые, лоды русские,
Да к великому граду Полоцку,*

Где родные ждут, жёны-детушки.

Последние метры-сажени показались тяжелее, чем весь поход. Вроде, и вёсла взлетали быстрее, и вода речная забурлила-запенилась под носами кораблей, а всё равно хотелось чуть ли не за борт сигануть да махнуть к долгожданному берегу вплавь. Хотя, пожалуй, и пробеги мы со Всеславом по воде, аки посуху, никто бы и не удивился. Великого князя тут знали с детства, и подвиги его небывалые помнили наперечёт, детям рассказывали. Ну, не слово в слово, конечно, так, выборочно. Чтоб сон не пропал. И аппетит.

Рысь стоял за правым плечом, шуря светлые глаза на берег, который тоже давным-давно считал родным. Узнавая знакомые фигуры и голоса, радостно приветствовавшие возвращавшихся. Улыбаясь легко и счастливо. Но это не помешало бы ему, как и прежде, услышать щелчок тетивы и поймать стрелу, нацеленную в великого князя, лучшего друга, мечом, рукой, зубами или грудью.

На той самой пристани стоял тот же самый помост, что и в начале лета, когда уходили отсюда те же самые пять лодий, с теми же самыми стрелками и нетопырями, что возвращались домой. Почти все.

Подтягивали за сброшенные канаты к пирсам лодьи гомонившие деловито, но радостно работные люди, крепкие, могучие, как сама земля, встречавшая вернувшихся сынов своих. Слетали с бортов наши, помогая причалить остальным, выстраиваясь в коридор от свободного главного места на пристани к тому самому помосту, где высились фигуры отца Ивана и Бури-воя. А между ними – Глебка, державший за руку Рогволда и Лесю. И Дарёна с Юркой на руках. Выпрыгнуть за борт мучительно долго корячившейся возле быков-опор причала лодьи остро захотелось даже мне. Ладонь великого князя плясала по рукояти меча. Вторая намертво вцепилась в перевязь ножен на груди. Чтоб не начать махать родным.

И лишь когда спрыгнул легко со сходен на доски пристани Гнат следом за Варом, поднялся на борт и Всеслав.

– Благодарю тебя, Двина-матушка, за путь добрый и подмогу по дороге, – поклонился он низко великой реке. – Слава и хвала вечная всем, кто помогал, учил, спасал и берёт в пути. Вечным и предвечным, живым и мёртвым. Слава!

Он раскинул руки, глядя на Деда-Солнце, на чистое голубое небо. И возглас его подхватил весь берег.

– Винюсь перед тобой, земля-матушка и батюшка Полоцк-град. Не вышло у меня всех мужей, братьев и сынов домой вернуть. Навидались лиха, довелось помахать железом острым, покидать вволю стрел калёных. Довелось и самим отведать вражьего угощения ядовитого. Не придумал я, как каждого убересть, и в том винюсь честно, как предками заповедано. И не ступлю на родную землю вовек, коли решишь изгнать меня, никчёмного, люд добрый Полоцка-града.

И Чародей склонил покаянно голову, ожидая решения земли, города и его жителей. Как делали до него сотни, тысячи раз князья и вожди русов, воротившись с битвы. Нынче мало где следовали древнему обычаю. Здесь – не изменили и не изменяли ему.

– Полоцк приветствует тебя, великий князь Всеслав! – раздался с берега неожиданный ответ. Неожиданный потому, что прозвучал хором из двух мощных голосов, патриарха и волхва. И потому, что имя князь прозвучало с еле уловимой паузой, в два слога будто.

И весь город, что вывалил на берег, от тех, что по колено стоял в Двине, не уместившись на суше, до тех, кто бегом бежал от ворот, грянули:

– ВСЕ-СЛА-А-АВ!..

Великий князь, оборотень и Чародей, поднял голову. И шагнул на доски сходен. Не сводя глаз с Дарёны, на лицо которой возвращался румянец. Отринь город вернувшегося из похода мужа, она ушла бы вслед за ним, не обернувшись. Они давно пообещали Деду-Солнцу, Двинской воде и жаркому пламени, что всегда будут смотреть в одну сторону. И оба клятву ту свято берегли.

– Здравствуй, Дара-Дарёна, Солнцем озарёна, – выдохнул он, чувствуя, как садится голос и перехватывает дыхание.

– Здравствуй, муж дорогой, сокол ясный, великий князь! – она склонилась перед ним, как было принято, крепко прижав к груди недовольно заворчавшего Юрку-Егорку. А когда поднялась – слёзы хлынули из глаз.

Всеслав прижал обоих к груди, бережно, осторожно, вдыхая едва не позабытые вдали от дома и такие долгожданные запахи. Свежая малинка. Травка-зубровка. Мёд и парное молоко. То, за что он был готов убивать и умирать. Тех, ради кого он жил на свете. Тех, кто дождались мужа и отца. Ладонь, привыкшая к рукояти меча и веслу, гладила по накрытой платком голове жену. Невесомая заморская ткань норовила зацепиться за грубую кожу.

– Здрав будь, отец! С возвращением! – звенящим голосом произнёс Глеб.

Странно, одно лето дома не были, а он едва ли не на голову вымахал, да в плечах заметно шире стал. Я вспомнил, что и мой старший так же стрельнул. Мне в тот год пришлось брать дежурств больше обычного – к августу стало понятно, что в школу ему идти не в чем, из всего вырос. Каникулы-то в деревне проводил, там что под руку подвернулось, то и гардероб, но в десятый класс идти в дедовых брюках и старом кителе, моих трениках и тельняшке было не с руки. Съездили в столицу, на тот жуткий Вавилон в Северном Измайлово, срядили парня. Точно, он ещё хвастался-гордился, что с метра шестидесяти четырёх почти до метра восьмидесяти вырос. А я ещё, помню, велел жене ему гематогенки покупать и студень-холодец варить почаще. Они же, детки, когда так в рост ударяются, внутренности за наружностями не успевают у них. Вроде, с виду дядя с усами, пусть и редкими, а внутри мальчишка прежний. Только с голодухи или с устатку в обморок брякнуться может, по себе помню. Этот вон, княжич, хоть и бодрится, вроде, а тоже бледненький с лица...

– Здравствуй, сынок, здравствуйте, родные мои! – Всеслав распахнул объятия, и к Дарёне с Юркой забежали ещё трое.

Леся заливалась слезами, хоть и старалась держаться до последнего. Теперь же всхлипывала и вздыхала прерывисто, повиснув на локте. Волька, глядя на неё, тоже выкатил губу, готовясь поддержать любимую старшую сестрёнку. Завозился-захныкал на руках матери Юрка, как все маленькие дети чутко поймав общее настроение. Дрогнул чуть подбородок у Глебки, ещё чуть заметно пухловатый, покрытый пушком будущей бороды. И этим добил Всеслава окончательно.

– А-а-атставить слёзы! – гаркнул он, как заправский ротный старшина. Предварительно чуть отступив, чтоб не оглушить детей, и улыбнувшись, чтоб не пугать взрослых. – Раньше не надо было плакать, а теперь и вовсе не с чего. Вот они мы, живые и здоровые! Напугаемся сейчас бабьих слёз, да обратно уплывём со всем добром.

– Я тте уплыву! – Дарёна взрыкнула волчицей, быстрым движением всучила пискнувшего Егорку оторопевшей было Лесе, прижалась к мужу и крепко поцеловала. Долго. А потом с видом лучшей примерной ученицы встала рядом, впихнув руку ему под локоть и крепко прижав к тугой груди. Казалось, что чувствовалось, как колотилось в ней сердце. Располагавшееся, я точно помнил, с другой стороны.

– Здрав будь, княже! – по очереди прогудели и волхв с патриархом, терпеливо дождавшись, пока стоя Всеславичей чуть отступит от жоака. Дарёна с явной неохотой выпростала руку из-под мужнина локтя, давая тому обняться со старейшинами, с друзьями.

– Ладно ли всё дома, отцы? – громко спросил Чародей, продолжая традиционную процедуру возвращения, «принимая дела».

– Дома всё ладно, мир да покой, с Божьей помощью – кивнул степенно отец Иван.

– Хранили люди твои землю и округу, как и условлено было, – поддержал коллегу Буривой.

– Поговаривают, не только округу? – покосился Всеслав на стоявших на краю помоста, вместе с сотниками и первыми людьми города, Гарасима и Ставра в привычном нагрудном кармашке.

Косматый древлянский медведь, по случаю праздника нарядный, причёсанный, с патлами, вроде как даже маслицем смазанными, от чего стало только хуже, мгновенно воздел очи к небу, занявшись изучением ближнего облака. Стар из его разгрузки проделал то же самое, надев точно такую же легкомысленно-отсутствующую морду прямо поверх привычного лица старого убийцы. И на облачко уставился на то же самое, будто других не было. Только что насвистывать не стали оба. Рысь за плечом князя хрюкнул, но сделал вид, что закашлялся.

– Всякое бывало, – крайне обтекаемо ответил волхв, бросив на ветерана на шагоходе такой взгляд, что лучше б, пожалуй, ударил. – Неужто в краях заморских проведали о том? И какая сорока на хвосте принесла только? Об том и здесь-то мало кому ведомо.

– Новгородцы трепачи, бабы базарные, не держится вода... – загудел было Гарасим, делаясь негодованием с облачком, но тоже заперхал, когда пассажир двинул ему острым локтём под рёбра.

– Сороб не видал, а вот горлицы, птички Божьи, исправно летают. И на тёткиных землях, и у шведов, и на Рюане-острове, – продолжал неспешную беседу Всеслав. – От Стоислава привет тебе.

– Самогó видал? – ахнул Буривой.

– Как тебя сейчас. Давеча у костерка сидели втроём, он да мы с воеводой. Тогда и разговорились. Он тебе sprawy какой-то целый сундук передал, как разгрузят – глянешь.

Волхв только кивнул, стоя с открытым ртом. После Ладомира ни одному из этих краёв не доводилось даже увидеть Великого Волхва Арконы, не то, чтоб поговорить. А Всеслав продолжал раздавать сёстрам серьги.

– Тебе, владыка, Стоислав тоже поклон слал и памятку. А ещё коллега твой, архиепископ Кентерберийский и всея... тамошней оставшейся округи, – чуть подсбившись, вещал Чародей, – смиренный и благочестивый Стиганд Секира.

Прозвище, архивный позывной святого отца, выскочило будто само собой.

– Жив, старая треска! – ухмыльнулся патриарх, удивив несказанно датским присловьем и дав понять, что тайн в его прошлом меньше не становилось.

– Приросли земли союзные новой страной, что средь вод моря-окияна лежит через пролив от земель франков, – повысил голос великий князь, обращаясь к горожанам, – а наши тремя городами большими да богатыми: Юрьевым Русским, Юрьевым Северным и Янхольмом. Два последних на земле брата моего Свена Эстридсона, конунга датского, но вышло так, что подарил он их мне. День-другой – и все новые города и края на площади сами увидите. И два града-побратима Полоцку нашему на землях бриттов: Кентербери и Аннарюс.

Увидев замешательство не только в толпе, но и на помосте, князь пояснил:

– Аннарюсом франки великий порт назвали, что раньше известен был как Дувр. Нарекли они град сей в честь Анны Русской, дочери родной Ярослава Мудрого. Я его, в общем, тётке подарил.

На последних словах он совсем по-простецки развёл руки и пожал плечами.

Толпа встретила изменения в международной повестке и на политической карте мира сугубо одобрительно, хохотом.

Глава 2. Домашние хлопоты

Утро я встречал на привычной, родной уже, крыше терема. Солнце поднималось над лесом на противоположном берегу Двины, по которой в тумане плыли, перекликаясь, челны и лодки побольше. Крупнейшая в этих краях транспортная и торговая артерия, как Москва в далёком будущем, о которой тут пока и слыхом не слыхивали, никогда не спала. Днём и ночью сновали по ней вверх-вниз торговцы, рыбаки, гонцы, русские и иноземные голоса звучали что при свете дня, что в потёмках. Днями чаще всего с песнями, слушая которые на сердце становилось как-то легко и свободно.

Вчерашнюю процедуру встречи великого князя родным городом провели в полном соответствии со старыми традициями, чем изрядно порадовали Буриков. Хоть он и бросал время от времени тяжёлые взгляды на Ставра и Гарасима. Но все "разборы полётов" и прочие подробности отложили. На кратком пиру для узкого круга лиц, не пиру даже, а так, бизнес-ланче, выяснили, что ничего пожарного и срочно-обморочного не повестке дня не было, а мелкие детали, вроде "боярин новгородский двух курей подавил, пока до корчмы скакал" или "пришли гонцы от корелы, под руку Полоцка просятся" личного участия не требовали. Поэтому коротко пообщавшись и перекусив, пошли в баню.

Жар и ледяная вода, полумрак парной и тёплый свет новых ламп с прозрачными стёклами в предбаннике, хлебный и хвойный дух – всё будто в один голос говорило: "с возвращением домой!". А когда чистые, во всём белом, как души праведников, вернулись в терем, то же самое повторили и все дворовые и домашние. И Дарёна, когда закрылась, привычно не издав ни звука под Варовой рукой, тяжёлая дверь.

По двору сновали работники и ратники, одни – по привычным ежедневным делам, вторые – сменяясь с караула, с утренней "собачьей вахты". Суеты не было, всё шло как-то удивительно размеренно и спокойно, своим чередом. Ни тебе лихозубов, ни волн через борт, ни вражьих кораблей на горизонте. Не нужно было никуда плыть, скакать, бежать и мчаться. И, Господи, как же это было хорошо! Клянусь, я бы так, наверное, до вечера сидел в созерцательно-философическом настроении.

На двор вышли из гостевого терема Энгель с Милонегой. Сакс нёс на руках Заслава, что-то убедительно втолковывая ему на ухо голосом, который вполне можно было бы назвать нежным. Но язык не поворачивался, потому что говорил им здоровый красномордый рыжий громила с водянистыми глазами и руками лесоруба или каменщика. Подруга-жена глядела на них обоих, сына и своего мужчину, лучась таким счастьем, что даже Солнце, кажется, стало светить ярче. А, может, просто взошло повыше чуть.

Бывший граф Экерны был одет по-нашему. Они усадили мальчонку на лавку, бережно расположив ногу в обручах, на подкаченный пенёк, а сами сели по обе стороны от него. Я услышал внизу, под крышей гульбища-галереи негромкий голос:

– Вон, видишь, семья сидит? Снеси позавтракать им. Тут вот наперстнянка, сушеница, ясенник, пустырник да ландыш, отец Антоний передал, велел заваривать да пить. Мордату сразу кружку дай, а про то, как заваривать да настаивать бабе расскажи, Милонегой звать её. Всё ли поняла?

– Всё, Домнушка, не напутаю!

– Ступай. Да на-ка вон сокола медового, мальчонке подаришь. Его Заславом зовут. Узнай, всё ли есть у них в домУ, всего ли в меру? Матушка-княгиня велела, чтоб ни в чём недостатка не было гостям.

– Сделаю.

Со ступенек восхода слетела ласточкой русоволосая девушка чуть помладше Леси и направилась к приезжим. И то, что улыбалась она ясно и широко, мне почему-то видно было даже со спины. Верно говорили старики-разбойники в прошлом, а ныне патриарх с волхвом: во дают бабы! Когда и успели-то разузнать всё да такой догляд обеспечить? Что такое сушеница и ясменник я не имел ни малейшего представления, а вот то, что при сердечной недостаточности иногда помогали ландыш и наперстянка, откуда-то помнил. Кажется, в бытность мою молодым главным врачом поселковой больницы под Смоленском, куда мы с первой женой попали по распределению, так учила одна древняя старуха. Которая очень обрадовалась, что из города им прислали "целого фершала учёного". Она сперва сетовала, что уж больно молодого мальчишку направили, не верила в прогресс и советскую школу здравоохранения. Но когда я выдал ей тюбик "Випросала", мази со змеиным ядом от Таллинского фармзавода, от которой у бабки стало меньше болеть колено, враз перешёл из "мальчишек непутёвых" в "касатики". Да, точно, она и говорила про травки. А я уже тогда не упускал случая научиться чему-то полезному в своём деле.

Из-под крыши, из-под моих ног, которых не было, донёсся вздох. Едва слышный, неведомый, как тень облака на ржаном поле или блескучей глади реки. От которой и поле, и вода хоть на миг, но становятся другими. Тревожными, тёмными, будто проступившими в явь, в белый день, с какого-то другого слоя, из другой реальности.

Прерывистый вздох тот был доверху, с лихвой наполнен давней грустью. Да, князь-батюшка повелел, люди его следили, не осталось в живых ни единого из татей-обидчиков. Каждый из тех, кто порушил лад на том малом хуторе, где жили мирно-покойно, счастливо, душа в душу, бывший княжий вой с Буривоевой правнучкой и детишками, смерть нашёл. Одну другой хуже. Но деток вернуть и Чародею не под силу. Вслед за вздохом ещё тише раздался сдавленный всхлип. Когда Милонегга приняла с поклоном у девки медового сокола и дала распахнувшему серые глаза мальчику. Нога которого была увита прутьями, будто птица в клетке. Но он был жив. И будет здоров, как князь-батюшка сказывал.

Домна ушла в терем, скрывая слёзы. Я не видел этого. Я это знал. Чувствовал. И мысли завели привычную пляску в голове. Которой не было, как и ног. Был один только бесплотный дух из другого, не свершившегося ещё времени. И он, как говорил Стоислав, был ярим. И именно из-за того, что встретились два таких вместе, в едином теле, менялся этот мир. И Богам это пока, кажется, нравилось. И я продолжал выдёргивать из хоровода мысли, выстраивая будущее.

По пути, по настойчивому совету Рыси, я ещё несколько раз пробовал Святовитов дар. Работал он исправно и, кажется, из раза в раз лучше. Только лекарский сон наводит гипнозом, как у Дарёны, не выходило. Получалось парализовать, и то ненадолго. Но крепкие вои терпели боль, привыкшие к ней, готовые, знакомые с ранами не понаслышке.

У одного из Яновых «на УЗИ» обнаружился кусок наконечника стрелы в суставе левого плеча. Стрелок жаловался на частые боли и ограничения подвижности. Хотя нет, вру, не жаловался в дружине никто и никогда. И в тот-то раз еле нашлись трое подопытных, и то потому, что Гнат велел признаться, у кого какая хворь имелаась. Сурово велел, без шуток. Вои знали его давно и достаточно для того, чтобы понять, что воевода зол и обеспокоен. И состоянием великого князя, что часто застывал на носу лодьи в молчании и задумчивости. И тем, что мог показать его чародейский осмотр.

Осколок вынул, рана заживала на глазах, а в глазах латгала-стрелка теперь каждый раз вспыхивала какая-то жертвенная благодарность. Рука двигалась, как до ранения, и боли ушли. Хвала великому Перкунасу, что довёл служить Чародею Полоцкому! Кто ещё из вождей так может? А кто станет, если б и мог? Дадут гривну родичам на помин души да требу по покой-

нику – и всё на этом. И то, гривна – лишку, обычно сильно меньше давали. А этот, глянь-ка, каждый день подходит, шупает, руками водит, спрашивает и ответы слушает внимательно. Как батька или дед-покойник. Как родной.

У другого спайки нашлись в кишечнике, после старой раны. Приходилось одной жижей питаться, и то часто непроходимостью маялся. Дело ли для воина княжьей дружины? Две палки крепких сгрыз за время операции. Вытерпел и боль, и картины, что подчас хуже боли были. Кому приятно смотреть, как из твоего распоротого брюха кишки сизые наружу вынимают, ножами режут, иглами шьют, как рукав продранный? Всё стерпел он. Режим соблюдал в походе, хоть и неловко было сидеть сиднем, когда все друзья, воевода и сам батюшка-князь вёслами махали. Но терпел, прислонившись к борту возле кормчего. Даже подпевал и то негромко, Все-слав не велел и этого. Терпел, не зная, что Рысь обещал своими руками язык вырвать тому, кто вздумает подшутить, насмехнуться или как-то задеть взрезанного и зашитого. И даже скорый на язык балагур и шутник Стёпка притих. Рассказывая вполголоса сидевшему рядом с ним за веслом Мишке-Моисею, что когда воевода в последний раз такое обещал, то ровно так и сделал. Только не руками, а клещами кузнечными. Но он, верно, и руками смог бы.

Воин вытерпел и операцию, и восстановление, снова удивившее темпами. А на пиру впер-вые за несколько лет вцепился зубами в кусок мяса, которое ему теперь стало можно есть без последствий. Откусил сочный шмат... и заплакал. Судорожно, тяжело, неумело. Поняв, что хворь ушла, что он здоров, спасён Чародеем. И тогда над ним, дрожавшим и всхлипывавшим, тоже никто не смеялся. Лишь во взглядах, украдкой бросаемых на Всеслава, вспыхивала та же благодарность, граничащая с жертвенностью. Эта стая и раньше была готова ради своего вожака на всё. Теперь, кажется, и на всё остальное. Они бы самому Чернобогу бороду выдрали по волоску, прикажи князь.

Ещё одного пришлось комиссовать. У него обнаружили при осмотре пролапс и стеноз митрального клапана, ещё сильнее, чем у Энгеля. Новые возможности поражали. Повинуясь мысли, картинка приближалась и отдалялась, меняла проекции, я мог будто сохранять отдельные кадры, чтобы изучить их потом, сидя за столом с князем над нашим спавшим телом, показывая и объясняя ему причины и признаки хворобы. И будто бы даже слух к этому умению-дару подключился: я отчётливо «слышал рукой» позднесистолические шумы, видя при этом, как прогибались обе створки клапана сердца, и забрасывалась кровь из желудочка в предсердие. И снова ничего не мог с этим сделать.

Уселись на носу с тем воином и Гнатом. Послушали историю о том, как зарубил он одного половца, увешанного лоскутками, бубенцами и костями, кама-шамана Великой Степи, но тот, зная, успел проклясть его перед смертью. Убедительно объяснили, что шаманы, конечно, мужчины серьёзные, рычать и кряхтеть под звуки бубна умеют знатно, тревожно, но это всё не из-за них. Собрали семейный анамнез, выяснив, что от сердечной недостаточности, видимо, умерли отец и дед воина. Которых никакие половцы точно не проклинали. И предложили ему перейти в «тренерский состав», к Кузьке-заике, то есть наставнику Кузьме, в помощники. Найдя очевидной компромисс, устроивший каждого.

Теперь нужно было осмотреть Домну. Но сделать это не в Гнатовой манере: «эй ты, или сюда, задирай подол». Зав столовой была слишком верным, ценным и знающим кадром, членом семьи почти что. При ней как часы работал штат что в Киеве, что в Полоцке. Причём новости из Киева она и теперь узнавала едва ли не вперёд воеводы. Буриноева правнучка была умна и не по-современному тактична, но главное – абсолютно точно предана Вселаву и его семье. Таких никак нельзя было обижать зазря. И давать пустую надежду тоже не хотелось. А ещё она формально была в подчинении великой княгини.

Когда привычным водоворотом меня потянуло с крыши в горницу, план был готов. И, кажется, имел все шансы на успех.

Князь имел удовольствие плескаться над кадушкой, гоня прочь ночную истому и остатки сна, а с лица – лёгкую отёчность невыспавшегося человека и счастливо-глуповатую улыбку, объяснявшую причину недосыпа. За спиной его Дарёна кормила Егорку, ворчавшего волчонком. Этот-то когда успел так оголодать? И улыбка на лице жены была ровно такая же, как у Всеслава. Потому что и причина тоже была та же самая.

«По щекам похлопай и пальцами под глазами вот эдак поделай» – посоветовал я великому князю. Подумав мимоходом и о том, что во всех книжках из-за забора попаданцы начинали делать и продавать за кордон зеркал. Чародей же умывался, глядя на золотистые брёвна. Непорядок.

«Зачем это?» – удивился он, но дисциплинированно хлопнул пару раз по бороде, от чего за спиной пискнул Юрка, а княгиня удивлённо повела бровью.

«Ну так-то не молотить, не казённая морда-то!» – вздрогнул я. Общее тело ощущалось вполне своим, и в этой утренней неге получать оплеухи от самого себя хотелось в последнюю очередь. Но пояснил: «Кровь быстрее побежит и лимфа, уйдут отёки из-под глаз».

– Вы, если драться удумали, может, отца Ивана с Буриваем кликнуть? Отпоют, отшепчут, – уточнила из-за спины Дарёна.

– Да нет, это я не так понял науку его, – отмахнулся великий князь, оборачиваясь и похлопывая себя по щекам уже бережно, любя. А после принялся постукивать подушечками пальцев под нижними веками. Смотрелось, наверное, забавно.

– Хорóш ты, сокол ясный! Вот враги твои бы рты поразевали, на такого тебя глядячи, – прыснула она. И добавила, присмотревшись, – А меня бабушка Ефимия так учила делать, круги под глазами разгонять. Не знала, что мужам так можно.

– Чего ж нельзя-то? – не прекращая процедур, удивился я. – Отличия мужей от жён, сама знаешь, ниже начинаются, выше шеи да снаружи никакой разницы и нет. Кстати, Дарён, про отличия...

Я рассказал, присев рядом и старательно отводя глаза от завтракавшего с такого «богатого стола» княжича, об увиденном-услышанном. Жена слушала внимательно, иногда уточняя и советуясь, как поступить лучше. Совсем как моя. Даже складочка меж бровей появилась такая же, заметил, когда глянул. Она к тому времени уже запахнула вóрот, задумчиво укачивая сопящего сытого Егорку.

– Сделаю, Врач. Сонный напев Леся освоила очень хорошо, Феодосий не нарадуется на неё. Через день в лазарет зовёт. Трое там из тех, кого выучил ты, трудятся, а она подсобляет каждому. Умница большая, старается. Только кажется мне, что боится она по сию пору, что погонят её со двора. Не верит, страшится, что закончится сказка. Натерпелась девка за жизнь короткую. Я говорю с ней, может, и вам попробовать? Она, грешно сказать, Всеслава наравне с Богами каждое утро поминает.

– Поговорим. Да, выпало сироте – не приведи Бог. Подумаем, спасибо, что указала. И за то, что за каждым из гостей глядишь, как мать родная.

– Искони так заведено, чтоб хозяйка в дому обо всех заботилась да про всё ведала, – удивилась Дарёна. – Если я знать не буду, как гость обихожен, сыт ли, здоров ли – какая ж я тогда хозяйка? А что дом у нас такой большой нынче, так то Богам хвала, да вам, разумникам. А верно ли говорят, что вы княгине заморской задницу зашили?

Резкий переход был настолько неожиданным, что я едва не закашлялся, чудом удержавшись. Она как раз укладывала заснувшего сына в люльку, нельзя было шуметь, это я по своим

помнил. У них, маленьких, сон по краешку ходит, спугнёшь – час потом укачивать можно будет. Но повезло, не нашумел особо, не всполошил.

– Ну, не княгине, а королеве, дочери норвежского славного ярла, – отдышавшись и утерев выступившие слёзы, начал я тихо. – И не задницу, а ногу левую, в двух местах. Жила кровеносная лопнула у неё, чудом вовремя успели.

– И хороша ли задница? – не унималась Дарёна. Но и я, и Всеслав видели, что в шутку, хоть и скрывая это тщательно.

– Да не глядел я особо, Дарён. Надо было от другой жилы в ноге кусок выкроить да тот, дырявый, заменить. Там не до смотрин было. Ты вот что, коли интерес имеешь – у Гнатки спроси! Я ему пальцы уложил на сосуды те, что пережимать надо было, велел глаз не спускать. Он, бедный, с лица аж спал, потом весь покрылся. Но если кто и разглядел что задницу, что передницу, то только он, – перевёл я стрелки на друга.

– Вот всю жизнь они так! – сокрушённым шёпотом обратилась жена к сыну. – Что ни спроси – всегда темнят, друг на дружку сваливают, да притом выгораживают один другого так, что ни людей, ни Богов не боятся. Доведут Они – и тебе, сынок, такой друг по пути, по судьбе встретится, чтоб жизнь да честь твою пуще своей берёг... Ступайте уже. Забот у вас уж верно побольше Гнаткиных будет. А я посплю чуть, ноги еле держат.

Великая княгиня потянулась, встав на носочки. Белая долгополая льняная рубаха приподнялась, показав ступни и голени, тонкие, точёные. Заведя руки за закинутую назад голову, пустила она волной дивные светло-русые волосы, жмурясь от удовольствия, разводя локти, натягивая ткань и разводя ворот на груди. А я только что не бегом рванул из горницы, понимая, что ещё миг, полмига даже – и князь отсюда до обеда не выйдет. До завтрашнего.

Глава 3. Вот и оставляй их одних!

Гнат, державший стопку берестяных листов, которые изучал на ходу, рассыпал все, кроме одного.

– Взбесился, что ли? – спросил воевода, глядя почему-то не на князя, а на Вара, стоявшего за его спиной. Тот, видимо, ухитрился что-то изобразить на каменном как обычно лице, и Рысь убрал обратно за голенище засапожник, что будто сам впрыгнул ему в ладонь.

– Чего носишься, как полоумный? Белены объелся? Будто не отец четверых, а впервые до бабы дорвался, – брюзжал он, собирая упавшие, наверняка важные, документы.

– Айда перекусим чего-нибудь, да там и поговорим, кто чего объелся, – отозвался Всеслав, помогая собирать листы.

– Вот это я понимаю, государственный подход! – одобрительно закивал он. – Пожрать-то – первое дело, ясно. Кто я такой, чтоб с великим князем спорить, тем более, когда и сам согласный полностью?

Судя по говорливости, привычно-лёгкой, ничего срочного снова не было. Поэтому до гридницы, зала заседания Ставки, шагали быстро, болтая о ерунде. Оттуда навстречу вышла, поклонившись, зав столовой. И если б не был я свидетелем утренней сцены, нипочём бы князь не разглядел в полумраке чуть припухшие веки и красноту на белках глаз. А так – заметил. Но промолчал, кивнув в ответ. Не пришло ещё для разговора время. И не ему следовало тот разговор начинать.

Начали с чего попроще.

– Чего там с корелами? – спросил Всеслав, отодвигая миску и поднимая кружку с любимым морсом. Холодный был, аж зубы заломило. Знала Домна, чего нести на стол.

– Мир-дружба, как вы говорите, – с готовностью отозвался воевода, вытягивая из стопки нужный лист. – Глебка с их старшими всё обсудил, сказал, с тобой поговорит, а ты уж им сам волю свою объявишь. Мехов у них богато, ягоды всякой, грибов – косою коси. Только возить нечем, лодчонки рыбацьи много не возьмут, а на их лосях сюда сушей переть долго.

– С Хагеном говорили, помнишь? Он там с какими-то своими северянами крайними тоже меняться начал, вместо того, чтоб друг в дружку стрелы метать. Узнать надо, нет ли там родни чьей, друзей да побратимов? Они бы, корелы, к одной какой-нибудь бухте свозили всё раз в три луны, к примеру, а мы бы там забирали, он – к себе, Варяжским морем, мы – к себе, Нарвой ко Пскову или напрямиком в Юрьев, наш который, Русский, – задумался вслух князь.

– Это вы без меня с сыном решайте, мне в ваши купи-продай без радости играть, я там не соображаю ничего, – открестился сразу Гнат. – Моё дело – узнать, сколь воев они выставить готовы, каких и в какой срок. А лишнего мне и даром не надо.

– Да ясно, это я так, сам с собой думаю, – отмахнулся Всеслав.

– Сподобили ж Боги увидеть того, кто сам с собой втроём аж думает, – буркнул Рысь, вынимая другой лист. – Ромка в гости плывёт. Кабы нам Двина-матушка сама не помогала, да Стрибожьи внуки паруса не надували так туго, в одно время с ним пришли бы. А так, вишь, дня три ему ещё тянуться.

– С вóлоком тем, где Шишка сидит, что? – вернувшись домой Чародею сразу пошли на ум все оставленные дома проблемы и задачи по их снятию. Канал «Днепро-Двин» был одной из таких задач. И название хорошее вышло. Не «Волгобалт» конечно, но приятное, тёплое, мне напоминало почему-то о доброте и гостеприимстве армян. Словом «Двин», наверное.

– Отлично всё, как ты любишь, – воодушевленно начал Гнат, доставая ещё один лист, заглядывая в него, чуть прищурившись. – Нету там больше вóлока.

– А Шишка? – только и смог переспросить князь, закашлявшись.

– Шишка есть, как же без Шишки? – успокоил друг, обошёл стол и хлопнул пару раз по спине.

– Чего успели за лето? – Всеслав благодарно кивнул и повёл плечами. Рука у Гната если и была мягче чуть, чем конское копыто, то... то давно это было.

– Оба отрезка сладили, на том, что ко Двине ближе, Глеб сам последнюю перемычку земляную порушил, как ты велел. Быстро вода набралась, народ поворчал, было: колдовство, мол! Да Буриноевы с Ивановыми там быстро разъяснили всем эту, как её...

Гнат поднял глаза от документов на друга, ища подсказки.

– Линию партии? – хмыкнул Чародей, вспоминая понравившиеся решительные слова и мои воспоминания, связанные с ними.

– Её, ага, точно! – удовлетворённо кивнул воевода. – Ну и мои в пару особо буйных голов снаружи постучали вежливо, чтоб там внутри всё как положено улеглось. Рад теперь народ, что ты! Там лодьи чаще, чем здесь спуют. Склады битком, девки в харчевнях и при постоянных дворах трудятся не покладая... не вставая? На износ, короче! – выкрутился он, и расплылся в ответ на княжью улыбку.

– Добро. А по походам этим неожиданным что выяснил? – перешёл Всеслав к основному.

– Всё, – отрывисто тряхнул гривой Рысь. И замолчал, ожидая, когда старый друг привычно вскинет левую бровь, будто говоря: «ну и?..». Дождался, кивнул довольно и продолжил.

Выходило так, что у Ромки с Сырчаном договорённость прогуляться на восток зрела давно. Гнат со Ставром, как и Всеслав с их слов, об этом знали и не мешали, потому что, во-первых, зачем сыну мешать? А во-вторых, дело-то полезное. На одном великий князь настаивал твёрдо: чтобы рядом с первенцем были верные люди, чтоб такие же верные берегли город, пока княжич будет в отлучке, и чтоб громовика и пороха хватало и тем, и другим. Оба убийцы, старый и молодой, поклялись исполнить в точности. И не подвели.

Для солидности делегации и силовой поддержки пригласили прогуляться дружины Святослава Черниговского и сына его, Глеба Переяславского. Так что направился Ромка в гости силах тяжких: лёгкая конница Шарукана под командованием Сырчана, его первенца, тяжёлые русские пехота и кавалерия с левого берега Днепра. И ядро группировки – полторы сотни лютых нетопырей Чародея-оборотня, которых боялись, кажется, даже свои.

О том, что хитрый, как пустынный лис, Степной Волк почти целый год обрабатывал вождей ближних к нему племён, Всеслав от разведки тоже знал. Кыпчаки, наводившие мосты и контакты с пограничными булгарами, изо всех сил давали понять, что войны не ищут. У них, дескать, в друзьях нынче сам великий князь русов, Всеслав Брючиславич, тот самый, что головы рубит-отрывает тысячами, заморских правителей то убивает, то королевскими венцами наделяет, а всех, кто с ним дружбу водит, хранит и бережёт. А ещё теперь, с той поры, как стали не драться, а торговать, Великой Степи и вовсе чудесно живётся. С севера приходят лодьи с богатым товаром. За ним с юга приходят другие. Всех дел и остаётся, что золота получить что с ромеев, что с сельджуков, что с русов. Но русы меньше всех платят, только за работу и склады, пошлин торговых с них половцы, как уговорено было, не берут. Зато с южан – три шкуры дерут. Выгодно, Великий Тенгри не даст соврать!

Эти слухи, тщательно, с восточной тонкостью и хитростью подготовленные, достигли ушей тамошнего хана, которого ещё титуловали эмиром и балтаваром. Всеслав и я еле сдержались, чтоб не фыркнуть, услышав незнакомое слово впервые. Но вместе с безногим придумали, как запустить и подтвердить осторожно те же самые сведения и с запада, с нашей стороны. И, кажется, дед снова перестарался.

Когда у Булгару подтянулись с трёх сторон рати русов и половцев, их встретило богатое и важное посольство. На открытом степным ветрам поле дальнего пригорода стояли шатры караван-сарая. Там и состоялось судьбоносное совещание высоких сторон.

Эмир-балтавар долго надувал щёки и шурил и без того неширокие глазки над ними. Никак не хотел верить рассказам о том, что за светлокожих длинноносых дикарей с запада воюют шайтаны и дэвы. Переводя его речь, Сырчан вспыхивал от возмущения, когда слышал уничижительные и иногда оскорбительные слова. И спорил с эмиром Волжской Булгарии, великим правителем, не боясь навлечь на себя ни его гнев, ни гнев его воинственного Бога, который велел считать всех остальных ниже и слабее. Первенец Степного Волка твёрдо знал от отца, деда и великого хана русов, Всеслава, о том, что это не так.

На очередной, вовсе уж хамский, выпад эмира Сырчан вскочил с кошмы и закричал, что лучше умрёт, чем будет слушать от толстяка в драгоценном халате и тюрбане такие слова. На что Рома лишь качнул ладонью, приземляя горячего союзника.

– Мы проделали долгий путь не для того, чтобы слушать такие речи. Но то, что нас не встретили твои тумены, вселяет надежду. Да, твои конники таятся в трети дневного перехода на полночь и на восход. Да, надумай мы оставить переговоры и схватиться за луки и мечи, беды было бы не миновать. Наверное, ты считал именно так, эмир?

Стенограммы разговоров высоких сторон у Рыси были в нескольких вариантах, от своих и от союзников, дословные, поэтому за достоверность можно было ручаться.

Балтавар, возмущённый и встревоженный услышанной правдой, завершал что-то на своём, балтаварском, вновь переведённое в стенограммах, как грубое ругательство и сигнал к атаке. Я только похвалил про себя княжича за редкие выдержку и мудрость. И артистизм. Тоже фамильный, видимо, как и холодный прищур серо-зелёных глаз.

Из-за дальних шатров побежала с криками и визгами толпа воинов в доспехах. Не просто в халатах, там и кожа была, и железо. Не рядовые басмачи бежали убивать русско-половецкое посольство подлю и вероломно, наплевав на дипломатическую неприкосновенность. Конные ряды наших и степняков были, как и условлено, в паре сотен сажень, и не успели бы прикрыть при всём желании.

Роман Всеславич, князь Киевский, поднялся с ковра шитого, перекрестился да на Солнце красное глянул. Снял со спины лук тугой, достал из тула востру стрелочку единую. Поводил руками над ней, бормоча что-то про "сам виноват, падла узкоглазая". Наложил на тетиву шелкóвую да пустил её, одну стрелочку, супротив толпы лютых ворогов.

Стрелять Ромку учил сам Всеслав, да крестный отец, Гнат Рысь. Промахнуться с сотни метров из своего же лука, пусть и тяжёлой заряженной стрелой, мимо невзрачного бочонка, что валялся в куче таких же и ещё какого-то степняцкого скарба прямо на пути бежавшей с визгом толпы княжич не мог. И не промахнулся.

Откуда там взялся тот бочонок, эмир, надо полагать, выяснял потом долго и с большим тщанием. Но о том, что удалось ему вызнать, в донесениях ничего не было. Историю тайного бочонка знали трое нетопырей и Рома. Поэтому когда несколько нукеров буквально брызнули во все стороны красным, а ещё несколько десятков разлетелись под адский грохот на куски, дёрнулись, кроме этих четверых, абсолютно все. Визжал что-то, не слыша себя самого, эмир. Повалились ниц его присные. Когда с самого неба будто бы прилетела на кошму обугленная и дымящаяся голова с оскаленными зубами. Оказавшаяся головой двоюродного брата балтавара, Ибрагима, первого в тех краях багатура-богатыря.

Роман Всеславич сел, сложив ноги восточным кренделем, как Ак-Сулу учила, и поднял пиалу, чуть откатив дымившуюся чужую башку, чтоб не мешала. Отпил жирного солёного отвара из иноземных листьев, редкой дряни, если с квасом или со сбитнем сравнивать. Дождался, пока станет чуть потише и будет меньше звенеть в ушах. И начал.

– Зря ты не верил тем, кто говорил тебе быть осмотрительнее и вежливее, балтавар. Как, ты говоришь, тебя зовут? – и снова отпил мутной степной жижи из пиалы. Степенно, как столетний старец.

– Хасан Абд'ар-Рахман ибн Исхак, – без особой надобности перевёл Сырчан. Когда слух и голос вернулись к эмиру.

– Бывает, – сочувственно покивал князь киевский. Став в этот миг очень похожим на крёстного, надо полагать. – Вот что, уважаемый Хасан. Мы пришли сюда за миром. Как говорит мой почтенный отец, мы не хотим войны. Но если ты продолжишь настаивать – она будет. Но тебе очень не понравится ни её течение, ни тем более её итоги. Потому что, как тоже говорит великий князь Всеслав Брючиславич, те, кто сомневается, хотят ли русские войны, потом спрашивают об этом у тишины.

Те, кто был с ним рядом, в один голос уверяли, что стали оглядываться по сторонам. Так сильно оказался похож мёртвый и безэмоциональный голос княжича на отцовский.

– Милосердный и всеблагий Аллах дарит тебе вторую и последнюю возможность сделать правильный выбор, уважаемый Хасан Абд'ар-Рахман ибн Исхак. Если ты ошибёшься, тот маленький ифрит, которого отправил вместе со мной мой отец, приведёт друзей. Или даст знать самому великому князю, что сейчас наказывает подлых тварей на другом краю земли. И тогда отец примчит сюда сам, злой, как три тысячи ифритов. Или пришлёт мне на помощь тумен свирепых и голодных маринов. А то и самого Иблиса с ними вместе. И тогда на твои земли тишина опустится навсегда.

Балтавар начал бормотать что-то, сперва сбивчиво, а потом истерически, громко, визгливо.

– Не верит, – пожал плечами Сырчан, выслушав эмирские вопли. – Говорит, ты сам Иблис и сын Иблиса, и слушать твои речи не пристало правоверным.

– Во дурак-то... Не, это не переводы, – вздохнул Рома. Оставил пиалу и поднялся во весь рост.

«Надо будет непременно поискать автора-составителя этих докладных записок. Нельзя такому таланту в войсках пропадать. Пусть учебники по истории пишет», – предложил я Всеволоду. Он хмыкнул и кивнул, гордо и довольно. Сын не подкачал.

– Ты зря испытываешь терпение Всевышнего и моё, Хасан! – разнеслось над степью. Вдали тревожно заржали кони. Поднялся ветер и на небе показались грозовые тучи, тянувшиеся с запада. С Руси. Небо хмурилось вместе со страшным молодым воином, говорившим и творившим небывалое.

– Мне будет трудно объяснить отцу, почему вместо друзей и союзников, вместо мирного и богатого края я принесу ему голую степь, выжженную до края окоёма, где и ковыль расти не будет. Но я справлюсь. И он поймёт меня. Он не раз говорил, что предел есть у всего: у упрямства, у гордыни, у терпения. Нет его только у глупости. Ты подвёл меня к самому краю моего терпения, балтавар. Мне жаль твоих людей и эту землю. В этом споре нет их вины, как нет и смысла. Я говорю всем вам, люди Булгара, и говорю в последний раз!

Голос, громкий, торжественно-жуткий, в котором не было ни угрозы, ни сожаления, летел над степью, поднимая песок и мелкие камешки. Прижимая к земле траву и людей.

– Помогите своему брату понять бессмысленность спора, Ибрагим, – сказал князь Киевский Роман Всеславич мёртвой голове, что лежала на кошке. И так качнулась, перепугав болгар ещё сильнее.

Рома наклонился и поднял обгоревшую голову за нижнюю челюсть. Борода и так была короткая, а сейчас ещё и опалилась почти вся. Живой княжич смотрел на мёртвого батыра,

глядя в последний уцелевший глаз. Так думали все. О том, что это была чистой воды импровизация, и смотрел Ромка над остатком Ибрагима и чуть левее, знали те же трое нетопырей. И ещё один, на которого взгляд на самом деле и был направлен.

– Ты будешь служить мне и моему отцу, храбрый воин! Докажи преданность, покажи оставшимся в живых соплеменникам мощь и злобу мира мёртвых. Чтобы они перестали уже торопиться туда так же, как ты сам недавно! Убей их!

С этим приказом, прозвучавшим в тишине, нарушаемой лишь нараставшим шумом ветра, княжич русов размахнулся широко и швырнул свой ужасный снаряд в ближайший шатёр.

О том, что в шатре скрывалось два десятка метких степных лучников, знали все. Святослав, князь Черниговский, президент команды тамошних «Орлов», упирался до последнего, отказываясь подставляться так по-глупому.

– Сядем там, как на стрельбище, как прыщи на заднице посреди чиста поля, а эти собаки засаленные нас стрелами истычут?! Мы ради этого в такую даль ехали? Я б тогда дома остался, Ром! – негодовал он.

Сын вторил отцу:

– Нехорошо выходит, и правда. Мы в силах и умениях батьки твоего уверены, а ты для нас пока воин новый, племянник. И конных зачем так далеко оставлять?

Рома вздохнул глубоко. Потом ещё раз. А потом спокойно и обстоятельно рассказал дворянину деду с дядей о том, что конницу надо оставить за две сотни сажений, чтоб не поломала ноги об отцовых-Гнатовых тайных воинов. Сколько их там у костров видите? Десятков пять? Втрое меньше, чем было, да? Где ещё сотня? Где надо. Поэтому стрельнуть в вас только птичка с неба сможет. Нет, если кто струсил – дом вон там, я никого за собой силком волочить не стану. Вообще чисто из вежливости позвал, потому как ваши земли к ним ближе. Но не держу. А уж если старшим назвали и под руку встали, то не надо ёрзать под той рукой не ко времени!

Последнюю фразу княжич прорычал, совсем как отец. Смущённые князья пообещали больше приказов не обсуждать. Сырчан тренировался держать фамильное невозмутимое лицо. Получалось почти как у Шарукана, но озорные искорки пробивались в узких голубых глазах на скуластом лице. Ничего, научится ещё, какие его годы.

Роман Всеславич, князь Киевский, говорил с мёртвой головой. Казалось, вся Степь замерла, не сводя глаз с жуткого зрелища. А сам он смотрел мимо, глядя, как отползал от шатра неприметный песчаный холмик, незаметный среди сотен таких же. И лишь когда пыльная дерюга с нашитой сухой травой скрылась в низинке, сын метнул вражью голову. Продолжая считать про себя удары сердца, как учили отец и дядька Гнат. Хотя спокойными те удары назвать было нельзя. Значит, следовало делить полученное надвое.

Импровизация, подготовленная заранее, едва не пошла прахом. На могучем замахе оторвалась нижняя челюсть, и оставшееся улетело по крутой дуге выше, чем он целился. И запрыгало по твёрдой земле, подкатываясь к шатру. А когда голова достигла войлочной стены, тот взлетел на воздух.

Два десятка лучших стрелков, воинов, прошедших не один десяток схваток, не успели ни выстрелить, ни прицелиться, ни даже выйти на свет. От дымящейся ямы ветром сдувало вонь горелой шерсти, железно-солончатый запах крови и тяжёлый – жжёного мяса. Ни шатра, ни батыров, ни криков раненых не было.

Балтавар вскинул непривычно и неприлично круглые глаза, отведя их от ужасной ямищи, где пропали его воины, будто джинном сожранные, от прикосновения. Молодой вождь русов обтирал пальцы правой руки, испачканные в крови и саже, о его плечо, о драгоценный вышитый халат, касаться которого позволяли себе лишь единицы. Лизоблюдски целуя полы. Этот же вытер руку, как о конскую попону. И сел на кошму, снова подняв пиалу. И продолжил говорить спокойным и твёрдым голосом. Будто обратил голову Ибрагима в ифрита или самого Иблиса ар-раджим, повелев тому убить два десятка правоверных, кто-то другой.

– Я продолжаю надеяться на твоё благоразумие, Хасан. В память о твоём брате и во имя Всевышнего. Если уж и им не под силу будет вернуть тебе разум, мы будем вынуждены сжечь здесь всё вокруг на седмицу пути. Сколько ещё твоих единоверцев должно умереть, чтобы ты перестал отрицать очевидное и вести себя недостойно?

В глазах эмира плескался ужас. И сейчас к нему добавилось непонимание. А княжич продолжал неторопливо, отпивая время от времени невкусную дрянью из пиалы:

– Всевышний и Пророки его учат, что всё сущее предопределено. Противиться этому – нарушать волю Его. Как вы говорите? Судьба? Кадар?

Сырчан переводил, восхищенно поглядывая на друга и родича. Тот говорил те самые слова, что узнал по пути сюда от самого шурина и от Байгара, одноглазого воина, начальника тайной и личной стражи великого хана, который сопровождал их в пути. Но говорил Роман эти слова так, будто полжизни прожил в этих краях. Степной шпион с удивлением слушал вопросы княжича и отвечал на них. То, как тот спрашивал, какие темы его интересовали и как он обдумывал их, покачиваясь в седле, очень напоминало Байгару Всеслава и Гната Рысь. И это воодушевляло старого воина.

– А'уззу би-л-Ляхи минаш-Шайтани р-раджим*, – прошептал помертвевшими непослушными губами эмир.

* А'уззу би-л-Ляхи минаш-Шайтани р-раджим – молитва для защиты от Сатаны.

Рома покосился на Сырчана.

– Молится Аллаху, просит помощи от чёрного зла, – перевёл другу тот.

– Это правильно, это хорошо. Молиться – самое время, Хасан. Я не пропаду, не исчезну, как степной мираж, меня не побить камнями. Я, сын великого князя Всеслава с Белой Руси – твой кадар. Твоя судьба. Твоя и твоей земли.

Глава 4. Яблочки от яблоньки

Читая стенограмму переговоров с деморализованным полностью балтаваром, Всеслав трижды уточнял у сиявшего весенним Солнышком Гната, а не было ли на переговорах Глеба? Тот уверенно говорил, что второй сын в это самое время работал по другим задачам и в другом месте. Но казалось, что торговался с булгарами именно он.

Это были даже не переговоры. Говоря метафорически, Ромка связал эмиру руки, а потом оторвал их и засунул... ну, или просто с собой забрал. Невозмутимый княжич объяснил правителю и его министрам или визирям, кто там эмирам полагался по должности, что обычно Русь освобождает от податей на три года. Но это тех, кто своей волей приходит под руку, к кому не надо переться через полмира, а потом уговаривать принять мир и добрососедские взаимовыгодные отношения при помощи ифритов и самого Сатаны, отвлекая нечистого по пустякам. Здесь же дело обстояло иначе. Поэтому два дня потратили на обсуждение деталей, которые – восток дело тонкое – подробно и скрупулёзно изложили на здоровенной шёлковой портянке, хотя скорее даже рушнике. От крючков и загогулин тамошнего письма рябило в глазах и едва не начало качивать, а ещё сразу вспомнился Кабул, письма на вывесках и в старых мечетях. Но для наших текст был изложен и русскими буквами, чёрным по белому, как мы любим, и даже апостиль внизу проставлен, что, дескать, корректность изложенного и тождественность переводов заверяет лично Сырчан Шаруканович Половцев. И ещё внизу стояла печать Глеба, значившая, видимо, что он с циркуляром ознакомлен и принял к исполнению в части касающейся.

– Если коротко, Гнат? – отодвинув от себя шёлк, бересту, шкуру с картой и едва не сняв великокняжеские полномочия, спросил Всеслав, утомившись чтением.

– Коняшки знатные у них, пришли уже. Алесь верещал, как старая сводня, аж трясся весь. Говорит, через зим десять-двадцать лучше наших, Полоцких, коней на целом свете не сыскать будет.

– Хорошее дело! Кстати, а от фризов что? – порадовавшись за энтузиаста промышленного конного спаривания, вспомнил князь.

– Там давно всё хорошо. Нам хорошо, не им, понятное дело, – оторвался от копания в бересте воевода. – Вернулись наши, пять семей с работниками привезли ткачей тамошних. Под разговор подвернулись ещё каких-то несколько душ, их тоже взяли. Один хитрый какой-то, краски смешивать учён из камней да песка, вроде как. Он как с Фенькой нашим через толмача парой слов перекинулся, аж икать начал. Теперь вместе в той Фенькиной зловонной камерке торчат, – с привычным военным скепсисом и пренебрежением к науке помянул он нашего Ферапонта и его лабораторию.

– Краски – это очень хорошо, это дорого, – задумчиво протянул Чародей.

– Глебка слово в слово так и сказал, и глаза у него такие же мутные стали, как у тебя сейчас. Будто тоже с кем-то внутри на счётах щёлкать взялся, – кивнул Рысь. – Вы бы проверили там по-свойски, по-родственному, вдруг в нём тоже завёлся кто?

– Это вряд ли, – покачал головой Всеслав. Но от темы не отошёл, чувствуя, что новости заканчиваться и не собирались. – А каким, говоришь, боком этот хитрый к нам затесался?

– Да его там плешивые на берегу спалить хотели. А мои не смогли мимо пройти, – смутился было Гнат, но тут же принялся защищать своих лиходеев. – Столпились, главное, вокруг столба, к какому тот доходяга прикручен был, и стоят, поют: «До минé, до минé». Ну, парни не стали разбираться, до кого именно из них было надо. Всем разом и выдали. А тощего с собой забрали. Про краски-то потом только узнали, на ходу уже.

Всеслав широко улыбнулся, представив изумление святых отцов, собравшихся самонадеянно вершить Божий суд именем Господа, взывая к Нему на латыни, когда откуда-то ни возьмись появились незримые черти и испортили им всю обедню.

– Ткачи уже и с теми, кто лён растит, говорили, и поля ходили глядеть. Говорят, старенький самый из них, кривой весь, слепой почти, плакал и землю целовал. Тут, сказывал, такой лён можно вырастить, что все, кто шёлком-парчой торгуют, по миру пойдут Христа ради побираться, – продолжал Рысь, убедившись, что друг не злится на отклонение от плана.

– И это тоже хорошо, – кивнул довольно Всеслав. – Ну как там дела теперь, в Тильбурге и Утрехте?

– Теперь гораздо лучше, – искренне признался Рысь, делая до отвращения невинное лицо. – Раньше-то сильно хуже было, а теперь уж вполне себе хорошо. Только пустовато малость кое-где.

Понимая, что и этой байки не миновать, Чародей поудобнее устроился на лавке и почти по-дирижёрски взмахнул руками, давая старт очередной увертюре.

Всё вышло точно так, как прикидывали вот на этом же самом месте. Добрались, забросили две группы, поработали с местными, подали сигнал и эвакуировались. Но Гнат не был бы Гнатом, если б не рассказал историю во всех красках. А там было, что разукрасить.

– Утрехт, парни говорили, богатый город! Одних срамных домов – две улицы, да с переулочком. Корчма на корчме, складов-лабазов не счесть, народу уйма, ходят все, обувкой своей деревянной по камням уличным цокают, как кони. А дом, дом у Винченцо какой, а? Каменный снизу доверху, в три поверха, да с пристройками! – пел Гнат.

– Был? – уточнил грустно Всеслав.

– Был, – вздохнув, признался Рысь.

Сперва бабахнуло в соборе. Половина города побежала смотреть и ужасаться, мешая друг дружке, что за чёрный столб дыма взметнулся в небеса из провалившейся крыши. В этот миг жажнуло на причалах. Три кнорра семьи Винченцо разом полыхнули на ветру. Зеваки побежали туда, где горестно вопили на берегу родичи Скупого Винни. А когда дом его опустел – тогда и сложился в кучу щебня и камней покрупнее. Похоронив под обломками драгоценную мебель, картины, золото, камни, ткани, стекло и все богатства старой торговой фамилии. Многие – безвозвратно. Не зря там что-то дымилось тревожно, выпуская белые, серые и чёрные струйки в радостно-голубое небо. Вслед за огромным столбом дыма от собора и трёх поменьше, от кораблей в бухте.

– Мы ребят ночью с воды подобрали, далеко, ты не думай! Про то, что там кто из наших был, и мысли быть не может! – неубедительно горячился Гнат.

– Ага, это Христос их, жадин, наказал. На всю страну один дом и три лодки спалил, потому что исключительно на семью Винченцо ополчился вдруг, – покачал головой великий князь.

– Почему это всего один дом? – начал было Рысь, но тут же прикусил язык, поняв, что проболтался.

– Всё, пёс с ними, с фризами, ничего знать про них пока не хочу больше, кроме того, что ни единого их торгаша в наших краях нет, – отмахнулся Всеслав.

– Как и было говорено, – с готовностью согласился воевода. – Два всего корабля у Юрьева Русского в бухте утопили, что не послушались и за тот плотик с указателем пошли. И три ещё у пристаней оставили. Они под шведскими значками пришли, за дураков нас держать вздумали. А там как раз ребята Рыжего были, давай выяснять, кто кому родня, с каких таких бухт и

островов. А на тех кораблицах по-шведски никто и не умеет. Очень они этим Хагеновых парней расстроили, до слёз аж. До своих, понятное дело.

– Живы хоть? – без особой надежды спросил великий князь.

– А то как же? Там народ с понятием, добрый сплошь и ласковый, – заверил Рысь. – Остался. Мы-то все тут... Улицы они метут, на причалах помогают. Там через какое-то время пришла ещё одна лодка с тех краёв, мимоходом. Встали возле Ульфовой памятки и ну орать оттуда чаечками. Витень выждал, пока охрипнут посильнее, отправил своих узнать, чего им, сиплым, надо. Те просили соплеменников домой забрать.

– Дорого? – крепостной старшина Юрьева хоть и был из Гнатовых, но ложку мимо рта сроду не проносил, потому и считался не только воеводой справным, но и хозяином рачительным.

– По-божески. По паре сотен гривен с носа всего. Наших, ясное дело, русских. Те – в крик. Ну, в хрип.

– А наши чего?

– А наши говорят: если что не по нраву – милости просим в порт. За тех придурков дюжину тыщ должны уж хозяева их, да ещё с полдюжины за вас попросим. Та лодья побольше была, – пояснил Гнат.

– Резонно. Остались? – ухмыльнулся Всеслав.

– Да куда там! Так на вёсла налегли, что враз за мысом скрылись. Верно ты говорил, каждого надо по больному бить, а у этих мощна – самое чуткое место.

– Погоди-ка, три кнорра, говоришь? Так там и стоят? – остановил его князь.

– Нет, там один только остался. Два других, не поверишь, стянули у Витеня с-под носу ловкачи какие-то! Ночью, Слав, как черти, вот те крест! Утром хватились – где кнорры? Нет кнорров! Хоть бы кто на причалах услышал чего! Демоны, ясное дело, весь город то подтвердит!

– Пряма весь? – улыбаясь, уточнил Чародей.

– Поголовно! Даже те фризы, что, по-моему, в гробу видали домой плыть, да ещё за долгом в двести гривен золотом, – подтвердил Гнат.

– И куда демоны стянули кораблики?

– Один на Ладугу купили, второй к Шарукану идёт, нам с иберийцами, с грузинами, как ты говоришь, возить-не перевозить.

– Твой?

– А то чьи же.

– Молодцы, порадовали. Отсыпь золотишка им тоже.

– Уже. Сразу, – любимая присказка Гната всегда была к месту.

– Про Глебову задумку знал? – почти без перехода спросил Всеслав.

– Да ни сном, ни духом, ни мыслишки... – начал было отпираться Рысь. Насквозь фальшиво.

– Гнат, – имя, произнесённое жёстче обычного трёп лишний как обрубил. Они по-прежнему знали друг друга лучше всех.

– Знал, конечно. Зря что ли я у тебя хлеб свой ем?

– Почему мне не сказал?

– А ты б дозволил?

– Ну-у-у, – задумался великий князь.

– Гну-у-у, – передразнил друга воевода. – Потому и не сказал. Ставр знал, отцы и Третьяк. Ставровы да Буривоевы ему дорожку ровную протянули-постелили, со всеми тамошними сговорившись. Там, на юге, Старых Богов крепко чтут, даром, что падлы ромейские под каждым кустом норуют если не церкву, то скит свой воткнуть, аббатство это. А я с недавних пор терпеть не могу аббатства...

– Ну, тогда-то ты не знал про них ничего, – не дал отвлечься на духовную лирику Чародей.

– Это ты так думаешь, – даже обиделся Рысь. – А я не думал, а точно знал, сколько их там будет по пути, сколько в каждом плешивых рыл обретается, и ещё чёртову кучу всего.

– Прости, друже, перебил. Продолжай, – снова перебил князь. И снова сработало, друг продолжил, как ни в чём не бывало.

– Из наших с ним Ждан с Алесем были со своими. Из моих две сотни лучших, из тех, что остались. Их наши молчальники подземные так наловчили с громовиком работать, что они теперь и муху на лету подорвут. По пути взяли древлян, волынян, бужан. После ещё от тётки твоей, с Эстергома такая ватага прибилась, что на месте ромеев я б стал узлы вязать да на пристани очередь занял. К Диррахию тому тыщ семь пришло, не меньше!

– А дом кто стеречь остался? – нахмурился Всеслав.

Думать о том, что Полоцк, а в нём Дарёна, Рогволд и Юрка, хоть миг были без присмотра не хотелось совершенно. И это было заметно и чувствовалось.

– От кого, Слав? – удивился Гнат. – Кроме новгородцев ни одной заразы ни слова, ни мысли поперёк тебя не имеет! Да и там уже спокойно вполне, что на Ильмень-озере, что на Ладоге. А тут мои ещё оставались, Ставровых по округе несчитано, никому лихому не подойти. А коли и подошёл бы? Сам же видел: стены и башни во все стороны скалятся баллистами, да там к ним брёвнышки непростые, не те, какими мы в Кентербери бросались. Прилетит полешко такое – и всё, никого целого на дюжину сажень во все стороны. И народ тутошний непрост, сам знаешь. Случись что, каждый бы вилы-косы взял.

– Ладно, успокоил. Так чего там Глебка устроил ромеям? – спросил великий князь.

– А это вот тут у меня, сейчас, поГодь-ка, – зарылся снова в записи воевода. – Во! Гляди!

Глеб вышел из Полоцка чуть ли не на следующий день после того, как проводил город волчьим воем великого князя в западный поход. Войска шли ходко, иногда даже ночами, когда луна позволяла, освещая путь, помогая факелам и большим масляным лампам с круглыми стёклами, что горели над повозками. Они здорово пугали поначалу местных, решавших, что из Пекла вырвался Змей и пополз по русским землям к югу. Но опасение проходило, едва узнавали, что это княжич Полоцкий к родне в гости собрался. Угощали, помогали, давали коней и советовали лучшие пути-дорожки. Иногда и вправду оказывавшиеся лучшими, и походники выбирали их, отступая от Ставрова маршрута.

Перебравшись через Карпаты, дошли до Тисы-реки, где уже дожидались лоды, подготовленные Шоломоном-Сашей. Тиса донесла до Дуная, там по одному из притоков поднялись, куда смогли. И вышли к Диррахию, где уже ожидали гостей делегаты от Югославии: Петар Крешимир, Михайло Воиславлевич и Георгий Войтех. С войсками, разумеется. Пожалуй, приди охота – этими силами вполне можно было бы подвинуть южную границу союза ещё южнее. Но Глеб на провокационные и азартные подначки болгар и сербов не поддался, следуя собственному плану.

– Вот тут. Вот на этом месте повесим, – задумчиво проговорил княжич, остановившись меж зубцов высокой крепостной стены.

– Чего повесим? – уточнил Войтех. Он от Чародеева сына ни на шаг не отходил.

– Кого. Среди посольства будет один, что лаяться начнёт, гадости говорить. Вот его. Вот тут. За ногу. Лучше за левую, – не убирая задумчивости с лица, пояснил Глеб.

– А который из них? – поражённо переспросил болгарский олигарх. Явно обеспокоенный тревожным пророчеством дорогого гостя.

– Я кивну, – успокоил его княжич. – Вавила, надо передвинуть будет камнемёты, вон тот и этот вот. Пусть стрельнут по разу. Чтоб заряды точно во-о-он в ту ложбинку попали.

Жданов громила, на которого с опаской и уважением смотрели все воины союзников, всегда был при нём. И молча кивнул. Он вообще редко говорил, от низкого гула его голоса, случалось, стены дрожали. Даже каменные.

– А это на что? – спросил болгарин.

– Когда ромейские конники ломанутся снимать этого, что будет отсюда верещать, за ногу подвешенный, от лесочков вон тех, поскачут этим путём, – пояснил Глеб, щурясь против Солнца.

– Нападут? – напрягся Георгий.

– Неа. Не успеют. Сгорят, – легко ответил княжич.

– Как? – ахнул олигарх, чуя, что в семье Чародеевой ухо остро нужно было держать с каждым, не только со Всеславом.

– Дотла, – пожал плечами Глеб. И пошёл договариваться с Николо Контарини о сроках и порядке передачи выкупа за тех русов, кто не дожил до этого дня. Когда власть, воля и слово княжье дотянулись до этих земель и воцарились на них. Венецианский купец дождался княжича терпеливо и спокойно. Про то, как в одночасье сгорели корабли и дом Скупого Винни, он уже знал.

– А на море что было? – спросил Всеслав воеводу, откладывая очередной лист.

– Буря, Слав. Жуть кошмарная. Чудища лютые полезли из пучины! И как давай топить кораблики! – вытаращил глаза Рысь. Но, увидев знакомый жест, экспрессию сбавил. – Ромеи дождались, пока все наши лоды из устья Дуная выберутся и выстроятся в походный порядок в сторону Днепра. Загудели трубы, застучали их бубны здоровые, и посыпали из ближних дунайских рукавов эти, как их... Дромоны!

Он заглянул в берестяной листок, освежая в памяти незнакомое название. Или сделал вид.

– Полсотни корыт, каждое с общинный дом на Арконе. Народищу тьма. Некоторые дымили даже, будто им в паруса черти да драконы дули! Ну и давай окружать наших.

– А наши чего? – заинтересованно спросил Чародей.

– Наши в круг встали, как ромашка, как на учениях. Да разом и ахнули по тем дромонам бочонками с громовиком, – пожал плечами Рысь.

– Удачно отстрелялись?

– Не то слово. Оказалось, что дымились те ромейские лодки потому, что на них котлы курились с "греческим огнём". А он, как выяснилось, с громовиком вместе страшные вещи творить может. Надо нам тоже было так придумать в Кентербери, чтоб разом и тем, и другим швыряться, а не по очереди, – с досадой потёр шею Гнат.

– Да кто ж знал-то тогда, – вздохнул Всеслав.

– Это да. Но теперь знаем. Когда малый бочонок громовика в котёл с их бесовскими варевом попадает – на перестрел вокруг всё вспыхивает, больше даже. Вода, говорят, горела. Те, кто кожаными ведрами пробовал на соседних дромонах долетевшие горящие капли тушить, только хуже делал – сильнее вспыхивало.

– И чего, впрямь всех до единого острогами? – уточнил великий князь.

– Вот ещё, валандаться там с ними, – отмахнулся Рысь. – Выловили десятка два-три, чтоб поговорить душевно, узнать, кто такой умный там у них догадался на сына твоего охоту устроить... Рыбалку, то есть. А остальные там так и купались, когда лоды наши ушли. До берега-то, говорят, сотни три сажений было. Может, и доплыл кто даже.

– И чего наговорили душевно?

– А вот тут странное дело, Слав, – стал серьёзным воевода. Подобрался и Чародей.

– Собирали корабли, гребцов и воинов не ромеи. Напасть на наших велели два известных тамошних полководца. Старшие над отрядами норманнов на службе у Романа Диогена.

Глава 5. Готовность номер один

Эта новость удивила. Нет, то, что в войсках Византии служили все, кому не лень, было известно давно. Там встречались и варяги, и мавры, и даже китайцы, говорят, были. Норманны, лихие воины, да к тому же единоверцы, быстро выбивались в первые в ромейской армии. А вот то, что напасть они решили именно на караван Глеба, и имели абсолютно все шансы на победу, настораживало. Против полусотни дремонов наши лоды, грузовые в основном, точно не плясали. И если бы не миномёты – страшно было и представить, что случилось бы в устье Дуная.

Гнат рассказал, что от Романа Диогена и его сиятельной супруги никаких новостей не поступало, ни по официальным каналам, ни по другим, негласным. После того, как в Киеве пропал бесследно митрополит Георгий, на третий или четвёртый месяц прибыл в город торговый санный поезд по крепкому уже Днепровскому льду. И с ним – пожилой монах с усталыми больными глазами. Видимо, отправили того, кого было не жалко. Он назвался Гавриилом, представившись, как положено, отцу Ивану в Софии Киевской, куда пришёл с дороги помолиться. Они нашли общих знакомых в том горном монастыре, где подвизался до возвращения на Русь будущий патриарх. И после того разговора оба пришли ко Всеславу. Так появилось на Руси официальное новое посольство или консульство Восточной Римской империи, Византии. Чем отличались консульство от посольства, я точно не помнил, а великий князь не знал, поэтому к терминологии и названию решили не придирааться. А Гавриил время от времени приносил новости из Царьграда, что доставляли ему торговцы с далёкой Родины. Интриг не плёл, народ не смущал, службы посещал исправно и молился на русском, как и все прочие прихожане. Именно через него пришли сведения о том, что императорская семья глубоко обеспокоена несогласованным летним визитом русских к юго-западным границам Византии, который анонсировал во Владимире-Волынском Чародей. Рысь исплевался весь, слушая тихую речь монаха и уверял, что Феофанию, княгиню Волынскую, надо срочно отправлять в монастырь на каком-нибудь из островов, чтоб неповадно было больше такими новостями с ромейской роднёй делиться. Всеслав же друга успокоил, убедив, что один известный шпион гораздо лучше нескольких новых, которых греки обязательно пришлют, и совсем не обязательно, что новенькие окажутся такими, как монах Гавриил. Который при том разговоре присутствовал и лицо имел скорбное и смиренное. Вероятно, считая, что после такой дискуссии тоже отправится на далёкий пустынный остров. Если очень повезёт. Но Чародей успокоил и его, сказав, что дипломатической работой и тщательно хранимым нейтралитетом священника вполне удовлетворён. Намекнув также, что совсем не расстроится, если при составлении очередного донесения руководству Гавриил про волынскую княгиню вдруг забудет упомянуть. Хорошая память иногда сильно вредит здоровью. Бывает, что и непоправимо. Монах понимающе прикрыл глаза. Чего уж он сообщал в свой центр, и что сообщил в тот раз, мы не знали. Потому что у Гнатовых был прямой и чёткий запрет на любые действия, которые можно было бы расценить как угрозу или иное воздействие на дипломатических представителей. Пару раз даже забавно выходило, когда монахов на порогах или лесных стоянках пытались пощупать за мешки и лица группы неизвестных. Ставшие известными и внёсшие собой ощутимый вклад в дело борьбы с преступностью на русских землях.

Рысь тогда мялся, как девка на выданье, но всё же честно признался, что нападение на место стоянки торговцев, с которыми шла в Константинополь и Гавриилова тайная грамотка, было пресечено негласным конвоем из десятка сопровождавших нетопырей. Десятник принял решение разбоя не допустить в целях сохранения нейтралитета между державами и ибо потому что. Да, поговорка прижилась крепко и в докладах фигурировала частенько. Воевода и его сотрудники выразили неискреннее раскаяние и готовность принять наказание по заслу-

гам. Приняли княжий смех и поощрение за доблестную службу. Которую и продолжили нести дальше так же честно и исправно. И с Гавриилом после тех случаев разговоры пошли более открытые. Ну, в понятных пределах, конечно. Полностью и безоговорочно доверять шпиону никто не собирался. Как и всегда в вопросах, затрагивающих безопасность государств, было много, очень много нюансов, подводных камней, несколько уровней двойного и тройного дна, учитывать которые было задачей невообразимо сложной. Особенно от того, что решали её стороны по-разному, пытаясь прийти к разным ответам.

Внешняя политика, куда скромно и деликатно, по-Чародейски, влез князь-оборотень, едва выбравшись из подземной темницы, трещала по швам. На глазах меняясь и перекраиваясь, становясь более похожей на рубаху, чем на тогу или хитон. Хотя, скорее даже на кольчугу, звенья которой цепко держались одно за другое, останавливая сабли, копья, мечи и стрелы. И кольчужка та становилась всё больше. Что никак не могло порадовать привыкших к шёлку и бархату, к тонким винам, к богатым подношениям из подконтрольных диких краёв. Которых тоже становилось всё меньше. Ясно было, что прежние хозяева этого ателье так этого не оставят.

Мне тогда пришёл на память старый анекдот про закройщика, когда к известному портному ввалился главный в городе бандит, жалуясь на работу:

– Ты гляди, чего твои убогие сделали! Это чего, штаны?! Ремень считай подмышками!

Старый еврей посмотрел на оригинальное решение сквозь круглые очки, тяжело вздохнул, и крикнул в сумрак ателье высоким надтреснутым голосом:

– Зовите Крутых! Будем опускать!

Бандит вырвал из кобуры ТТ и заорал, размахивая им:

– Ты охренел, пархатый?! В этом городе круче меня и моей братвы нет никого!

Старик поморщился печально, отодвигая ствол от длинного носа:

– Молодой человек, не делайте себе нервы. Соломон Израилевич Крутых – наш лучший закройщик. Опускать будем талию.

Всеслав хмыкнул, привычно моментально найдя в моих воспоминаниях картины и описания неизвестных слов. И очень внимательно посмотрел тогда на Абрама, что говорил о чем-то неслышно с вновь прибывшим Моисеем. Мы стояли, облокотясь на перила гульбища, а иудеи сидели на лавочке возле лазарета, куда зашла Фира, жена старого торговца. Антоний через Феодосия снабжал её и ещё пару десятков болящих каплями от сердца. Мойша слушал его внимательно, только что рот не разинув, иногда кивая.

– Ладно, – помолчав, положил ладони на стол великий князь, дослушав всё, что сумели нарыть Гнатовы, Ставровы и Шарукановы люди. А ещё их коллеги из Югославии и из Венгрии. – Пока будем считать, что задумка изловить или погубить Глеба и впрямь шла не от ромеев. Сделаем вид, что поверили тому, что это норманны осердились шибко на то, что Вильгельм отвоевался.

– Так спустим? – сузил глаза Рысь.

– Ещё чего не хватало. Сам же знаешь, как оно бывает. Только начни спуску давать, только намекни на слабинку – враз на загривок сядут да погонять начнут, – покачал головой Чародей. – Поэтому погонять будем сами. Сообрази завтра сбор здесь. Чтоб Ставр с отцами был непременно. С ними пусть Абрам с Моисеем придут. Не сразу, обождут чуть, позовём в свой черёд, но чтоб были тоже. И Звона с Шилом. В городе они?

– Шило от Ильменя возвращается, завтрава поутру должен быть как раз. Звон тут, хромает себе помаленьку.

– А чего Шило в Новгороде позабыл? – удивился Всеслав.

– Так там давеча, как ты говоришь, активы бесхозными оказались. Много. Хозяева-то их птичками возомнили себя: сперва каркать взялись гадости на тебя да на Полоцк. А потом летать учились, за ногу привязанные на стене, – хмыкнул Гнат.

– Выучились? – уточнил с недоброй улыбкой великий князь.

– Да где там! И людишки-то, правду сказать, дерьмовые были, а птицы из них и вовсе не вышли, – отмахнулся воевода.

– Новгород теперь, если Звонову долю за нашу принять, наполовину Полоцкий, поди?

– На три четверти. Это если без злодейской доли. С ней – на семь осьмушек, – Рысь улыбнулся, как сытый кот. Огромный и смертельно опасный.

– Не иначе, Глеб пошарил там?

– Они с Третьяком да с парой знатных новгородцев товарищами стали, сложились. С нас – заказы и пути, да твоя добрая воля. С них – лодьи, люди, склады, товары и ещё чего-то там, у Глеба грамотка с перечислением не в его ли собственный рост вышла. До последней телеги всё сосчитали.

– Свой глазок – смотрок, – ухмыльнулся и Всеслав, не скрывая гордости за коммерческие успехи второго сына. И за то, что в общий план семейный они вписывались идеально. А в отдельных местах и сам план тот вокруг них строился.

– А то. Зрячий сынок вырос, на радость батьке. И прищур у вас одинаковый, волчий, – подтвердил Рысь.

– Про Звона ты сказал, хромает, мол. Надо будет ещё раз дар Святовитов спробовать. Рана хоть и старая, а, глядишь, сладим ему свою ногу вместо деревянной-то, как у Шила. Передай тихонько, дескать, личный разговор будет с ним. И про Заслава между делом расскажи.

– Сделаю, Слав. Ты сказал: ещё раз. Кого ещё смотреть станешь? – от Гната пробовать утаить хоть что-нибудь давным-давно было дурацкой затеей.

– Да есть мыслишка одна... Чем обернётся только, ума не приложу, – задумался опять Всеслав.

– А ты не держи в себе-то. Ты на волю ты задумку выпусти, глядишь, в две-то головы ловчее ума приложим. В три, точнее, – со значением предложил друг.

– Домна как тебе? – огорошил его вдруг неожиданным вопросом Чародей.

– Однако, и мыслишки у тебя, княже, – опешил Гнатка, вытаращившись на него. – Ты если какое баловство затеял, так я тебе в том не помощник, так и знай! Никак с Дарёной поругался? Так давай я помирю! А я-то, дурень, думал, что после седины в бороду тебе ни один бес больше в ребро не сунется, занято там!

– Да уймись ты, мирильщик, – отмахнулся Всеслав, успокаивая всё расходившегося друга. – По делу отвечай!

– Буриноева правнучка баба справная, ладная да складная. Цену себе знает, блюдет честь, что свою, что княжью. Начни она подолом махать – сраму на весь терем нанесло бы. А так многие её в дом хозяйкой позвали бы за радость. Кабы... – смутился вдруг воевода.

– Кабы? – поторопил его князь.

– Так пустоцвет же она, – тихо, с заметной грустью, как об увечьи близкого друга, проговорил Гнат. – После того, как дитё скинула в тот раз, так яловой и ходит. Были пару раз мужики у неё, да не шушера какая, родовитые. Но до свадьбы не дошло дело, одним сеновалом и закончилось.

Всеслав удивлённо поднял бровь, давая понять, что степень осведомлённости друга восхищён. Гнат только пожал плечами, дескать: а что ты хотел? Работа такая.

– Вот её-то и буду смотреть вперёд Звона. Глядишь, выйдет помочь бабе. Не хочу гадать до срока, глянуть надо сперва. Но может и выйти, – объяснил Всеслав.

– Если выйдет – ты не одного хорошего человека счастливым сделаешь, – чуть помолчав, проговорил Гнат. Тихо. Весомо.

– Ясное дело, что не она одна радоваться станет, если получится. Буривой, думаю, тоже доволен будет, – согласился князь.

– Не только Буривой, – воевода продолжал ещё тише и еще медленнее. Будто одной мыслью лишней боялся спугнуть со сбывшееся ещё чудо. И очень волновался.

– Ты, что ли? – удивился Всеслав. Зная друга и его увлечения светленькими, он в последнюю очередь ожидал такого признания в отношении зав столовой. Нет, она, конечно, ладная-складная, но чтоб прям вот настолько?

– Ждан, – буркнул Рысь, блеснув глазами. И явно нехотя, будто чужую тайну под пыткой выдавал. Хотя, зная его, можно было бы уверенно утверждать: пыток, под которыми он выдал бы тайну, не существовало.

– Наш Ждан? – ахнул Чародей.

Старшину копейщиков, молчаливого громадного мужика, умевшего при необходимости лаяться так, что портовые грузчики, лямщики-бурлаки и лихие разбойники замолкали в робком смущении, запоминая слова, заподозрить в увлечении Домной можно было бы в предпоследнюю очередь. В последнюю – самого Всеслава.

– Нет, чужой какой-то! Я тут только и думаю, как про какого-нибудь Ждана словечко вернуть при случае! – вспыхнул Гнат. Будто злясь на себя за то, что выдал-таки чужой секрет.

– Эва как, – князь даже в затылке почесал. – И давно у них?

– С новá, почитай. С той самой бани пресловутой, когда ты грудь себе заштопал, как рубаху, – буркнул Рысь. – Вы тогда ушли, она провожать тебя отправилась, место указывать. А он и говорит мне: "Ежели княже не прибуёт её нынче – моей будет!". Я аж икнул, помню. Говорили они в тот вечер, да и потом не раз. Думаю, сладилось бы у них. А так и ей мУка сплошная, и ему радости никакой. Хотя, я и напутать могу. Я по бабам ходок больше, чем знаток, – самокритика в устах его была ещё более удивительной, чем вся история в целом.

– Спасибо, что не утаил, друже. Клянусь, от меня Жданову тайну никто не узнает. А вот за то, как бы вышло всё так, чтоб удалось Врачу задуманное, я теперь и сам переживать стану, – сказал Всеслав. Давая понять каждому из участников дискуссии то, что им следовало знать. Гнату – что признание его оценил. Мне – что изначально моя задумка помочь бедной бабе трогала его значительно меньше, чем теперь. И, в принципе, его можно было понять. Одно дело – радеть за какую-то обычную буфетчицу, пусть и ладную-складную. И совсем другое – за невесту друга.

Я до самого вечера был как на иголках. Не в смысле акупунктуры и прочих восточных премудростей, которые, как давали понять записи покойницы-Мирославы, изученные мной почти полностью, а от того, что до моей работы дела доходить не хотели будто нарочно.

В обед, до которого мы, как оказалось, засиделись с Гнатом в Ставке, пришлось разбираться с докладами Глеба, которые тот притащил, склонив смиренно голову и попросив отца не щадить его, наказать по всей строгости за упущения и промахи. Так, видимо, принято было в этом времени, нельзя было сразу начать хвастаться. Сперва нужно было, чтоб твои успехи на людях подтвердил кто-то старший, опытный, более весомый. В случае с Глебом это был, понятное дело, сам Всеслав Брячиславич. Который, отставив еду и напитки, к которым едва притронулся, изучил полученные донесения. Которые процентов на девяносто полностью совпадали с уже слышанными и виденными, а на оставшиеся десять касались сугубо торговых дел, к каким воевода никакого интереса не имел и не скрывал этого никогда. После великий князь прилюдно похвалил сына, сказав, что и сам бы лучше не сладил похода. И что всему честному народу об этом надо будет узнать из первых уст, чтоб патриарх с волхвом, как уж повелось, донесли до граждан новости о том, что сыновья-Всеславичи не лаптем щи хлебают, и не сидели

сложу руки, батьку дожидавшись. А растили надёлы и угодыя русские всеми силами, за что им почёт всяческий и уважение.

После обеда насели научные и практические деятели, едва душу не вынув. Обе души. И, главное, не прогнать никого – все хвалиться успехами пришли, а тут никак нельзя без похвалы оставить. Научники – народ творческий: плохо похвалил – всё равно, что отругал. И если, к примеру, Свен-кузнец ругань любую пережил бы, не моргнув и не почесавшись, то тот же Ферапонт, к примеру, или молчалники наши подземные, громовых дел мастера, были с более тонкой душевной организацией. Вот и играл Всеслав ещё часа два-три кряду на их струнах гУсельных, заряжая на новые свершения. Они вышли, едва ли не на крыльях летя. Чародей же, кажется, начинал потихоньку свирепеть. И жалеть о том, что не всё в жизни можно решить мечом, стрелой, бочкой громовика. Что часто приходится думать, планировать, а потом рядить получившиеся думки в слова, да с узором-кружевом, хитро. И я с ним тут был полностью согласен. Сам никогда не любил всех этих премудростей-коммуникаций. Потому, наверное, и встретил смерть на дальней пустой дороге, спасая жертв автомобильной аварии. А не в какой-нибудь ведомственной клинике из самых первых и самых закрытых, в кольце из учеников и коллег. И членов семьи, что за грустными лицами думали бы только о том, как поделится богатое наследство.

И лишь к самому вечеру удалось добраться до моей работы.

– А ну вон все пошли отсюда! Насели на князя-батьку, как тати полночные, ни вздохнуть ему, соколу ясному! С самой обеденной поры росинки маковой во рту не было у него, а уж Солнце красное к закату клонится!

Появление матушки-княгини с Юркой наперевес врезало по собеседникам, как вожжой вдоль спин. Они вытаращились на всегда спокойную и рассудительную красавицу так, будто она не вошла в зал, а верхом на визжащей свинье въехала. Вся в смоле и перьях.

– Я тихо говорю, что ли?! А ну все во-о-он!!! – это было больше похоже на рычание, чем на бабий крик или визг. Хотя и на них тоже вполне походило. Мастеров как метлой вымело в коридор. Ухмылявшийся Вар пропустил Лесю с Рогволдом за руку и прикрыл бесшумно дверь.

– Ты чего это, мать? – изумлённо спросил Всеслав у жены.

– Да тебя ждать, муж дорогой – от старости помрёшь, – совершенно спокойным голосом ответила Дарёна, усаживаясь рядом, поправляя одеяльце на сыне мирным, привычным жестом, вовсе не вязавшимся с только что звучавшими командами. – Дело ты просил сладить к вечеру. Мы с Лесей к обеду уж управились, а ты всё заседаешь, не щадя себя. Мозоль-то ещё не назаседали ли?

– Вечером проверишь, – улыбнулся Чародей, отметив, как разом залились румянцем и она, и названная дочь. Но надо было напомнить для порядку, кто тут великий князь. Получилось вполне.

– Прости, Славушка, увлеклась чуток. Иногда аж подмывает побыть немножко сварливой бабой. А за мастеров не переживай. Они все люди семейные, знают, что у баб после родин бывает такое, – повинулась жена.

– Ловко у тебя вышло. Никак тоже бабушка Ефимия научила?

– Да много где нахватались, мало ли дур-то шумных на миру? – от лёгкого и честного ответа Дарёны улыбка Всеслава стала ещё шире. – Лесь, поведай батьке, что сделали мы.

– С Домной говорили. Обещаний никаких не давали, намекнули только, что можешь ты глянуть её хворобу, и, коли Боги милостивы окажутся, помочь попробуешь, – начала бывшая сирота, а ныне княжна великая. – Она с лица спала враз, молчала долго, я уж думала, родимчик хватил. Но отдышалась, проморгалась и согласилась. Просила только чуть времени дать, чтоб успеть своим всем наказы раздать.

– На что? – нахмурился Чародей.

– Ну, после того, как ты животы режешь, седмицу-другую в лёжку люди лежат. А у ней тут всё работать должно исправно да чётко, как тАли на Двине, как дружина твоя. Совестно ей, стыдно будет, коли подведёт тебя. А коли, говорит, не выйдет дело, не посмотрят Боги в мою сторону, то пусть Маланью на мое место ставит матушка-княгиня.

В глазах Леси стояли слёзы. Как и у Дарёны, но у той, в силу опыта и другого, воеводиного воспитания, их видел только Всеслав. Неловко стало и ему самомУ. Женщина согласилась на операцию, готова была умереть, и переживала только об одном: чтоб не подвести его.

"Верно говорил, друже. Награждают тебя Боги за ношу тяжкую и труд непосильный. Хорошими людьми вокруг награждают. На диво хорошими, редко такие встречаются", – не выдержал я.

"Нас. Нас, друже, награждают", – только и смог подумать в ответ великий князь.

– Так. Помирать рано пока. И ей, и вам, и всем. Потому – прекратить сырость разводить! Я скажу, когда надо будет. Пока не надо, – чуть громче, чем требовалось, сказал Всеслав. Выдав и свои чувства.

– Лазарет к операции готовить. Леся, петь ты будешь. Готова ли?

– И я, и лазарет, и ученики твои – все готовы, к обеду уж были, – кивнула дочь, предвзвительно спешно вытерев лицо рукавами.

– Добро. Скажи-ка мне, а ведомы ли тебе травки, что по бабьим делам хорошиИ? Ну, чтоб болело меньше, когда крОви идут, чтоб легче становилось, когда в возраст баба входит, когда не родЯт уже? – князь "отступил назад", дав говорить на такие щекотливые для мужчин темы мне.

– Да, батюшка-князь. Клевер хорошо помогает, если правильно приготовить отвар. Солодка да шалфей-трава. Тысячелистника вытяжка, да её делать долго. Я у Антония спрошу, да у Агафьи. А к чему они? Она ж... – Леся смутилась, не сумев выговорить ни слова про бесплодие.

– В лекарском деле, дочка, редко бывает, чтоб можно было сразу всё предусмотреть и высчитать. Как и в воинском, но там чаще можно силой решить. Здесь же силой не поможешь никак. Значит, умением надо. Если выйдет так, что получится внутри у неё наладить всё, нужно будет телу, про свою работу позабывшему, подсказать, напомнить. Для того и нужны будут снадобья те. Отряди кого-нибудь до Антония. А лучше у Яра спроси, да у Буривоя. Глядишь, и сыщут поближе где потребное нам, – объяснил Всеслав.

– Сделаю. А... когда? – про "резать" ей явно было ещё тяжелее говорить.

– На рассвете, думаю. Как Солнце покажется, так и начнём. А к тому времени надо будет ещё раз поговорить мне с ней. Да руками пощупать, Дарён. Без того никак, – чуть ли не виновато обратился я к великой княгине.

– Ох, чую, не доведёт меня до добра щедрость моя, – притворно вздохнула она. – Ну что ж поделать-то с вами? Коли не единой бабы нещупанной оставить не можете. То королеву хватали за срам, то вон Домну теперь. Надо, так надо, Славушка. Не думай худого сам и мне не позволяй, – закончила она совершенно нормальным голосом, уверенно и твёрдо.

Нет, определённо редкой удачей была та встреча на во́лке под Витебском, небывалой удачей.

Глава 6. Резать по-живому

– Смотри, Домна: я стану вопросы тебе задавать. Разные, такие, каких и мужи жёнам не задают, с матерями и подружками девки да бабы нечасто обсуждают. Ты не бойся ничего и ничего не таи. Коли тяжко будет про то мне говорить – вон на княгиню-матушку гляди, или на Лесю, – спокойно, неторопливо объяснял я.

Зав столовой пришлось вчера успокаивать княжне. Сон к ней предсказуемо приходил отказываясь, слёзы текли не переставая. Прознав о том, отправил я Лесю, велел ей напеть Буривоевой правнучке колыбельную да сон крепкий до самого восхода. Давно заметил, что на нервном, издёрганном, измотанном болью и ожиданием пациенте операции проходили сложнее, и реабилитация шла медленнее и хуже. Поэтому утром Домна была немного растеряна, впервые, наверное, с того самого чёрного дня на хуторе не заметив его прихода. Мы сидели в смотровой, одном из помещений лазарета, откуда можно было сразу попасть в оперблок. Двери стерёг верный Вар, по двору вокруг с ночи прогуливались, не знаю, как уж объясняя друг другу, что тут забыли, Гнатовы и Ставровы. И Ждановы. Внутри сидели мы с князем, Дарёна со спавшим в принесённой резной люльке Юркой, и Леся.

– Кровь идёт как? Помногу, помалу, болит ли?

Голос Всеслава был негромким и каким-то журчащим. Будто добавлять в него немного гипноза стало выходить и у меня, даже без Святовитова дара.

– Первые полгода не было ничего совсем. Только тянуло сильно в те дни. Потом появляться стала, помалу.

Её же голос дрожал пойманной птицей. И говорила она, как я и советовал, Дарёне, которая слушала внимательно, кивая. Мужней жене, рожавшей не раз, рассказывать было проще, чем князю-оборотню, которого опасался и велел слушаться крепко прадед-волхв. И чем Лесе-княжне, что старалась держать спокойное выражение лица. Получалось не всегда. А на жалость и сочувствие, пусть и искренние, смотреть у вдовы княжьего воина никакой охоты не было. Нагляделась уже.

Анамнез получался довольно развёрнутый, подробный, глубокий. В больших семьях родовичи знали друг о друге многое, если не всё, и принято было передавать из поколения в поколение много информации, легенд, преданий и дел дней, минувших не так давно. Будь у меня побольше времени, я бы наверняка додумался бы до какой-нибудь выкладки о том, что таким образом система саморегулировалась и эволюционировала: не допускала близкородственные и кровосмесительные браки, из-за которых в моей истории подавляющее большинство европейских монархий постепенно превращалось в паноптикум или фрик-шоу. Этот термин мне подарил и объяснил старший сын. Я в ответ посетовал, что родную речь скоро все и вовсе позабудут, меня хорошие и ёмкие старые слова на новые, непонятные, но толерантные. Зачем говорить «фрик-шоу», если есть красивое старинное выражение «цирк уродов»?

Но как бы то ни было, удалось с определённой долей уверенности выяснить, что в роду у Домны бесплодных не бывало на протяжении семи поколений минимум. Семьи были большими и крепкими. Если погибал отец – вдова приходила в род одного из его братьев. Если при рёдах или ещё от какой напасти умирала женщина – вторую супругу вдовец искал, если хотел, среди родни покойницы. Так было принято, и была в этом проверенная и принятая веками правда.

После выкидыша больше беременностей не было. Об этом она говорила тише всего, уже не утирая слёз, что текли не переставая. Бабы знающие говорили, что на третий год обновится чрево отбитое, сможет заново ребёночка выносить. Не смогло. А теперь вот появилась

надежда, да не от ведуньи старой, а от лютого воина, князя-Чародея. Которому и без прадедова совета Домна верила безоговорочно. Хоть и боялась очень. Но жить и дальше пустоцветом, без надежды продолжить род, свой и какого-нибудь доброго воя-ратника, было уже невыносимо. Но то, что месячные были, пусть и скудные, и даже боль – всё говорило о том, что шансы были, и не призрачные.

– Теперь посмотреть надо, Домна.

Она вздрогнула, сжав кулаки, смяв подол платья. И медленно, как тяжело гружёную телегу, потянула было наверх. Показались внизу носки вышитых кожаных сапожек, узкие, маленькие. И это, вместе с обречённой решимостью в её мокрых глазах, смотрелось ещё тяжелее.

– погоди, так нет нужды пока. Ладонь я на живот тебе положу, ей и гляну сквозь одежду. Стоислава да Святовита подарок и так позволяет, – жестом остановил её я. – ляг на лавку и дыши ровно. Больно не будет.

Сколько народу в прошлой жизни, выйдя из наркоза, гневно и слёзно ругало меня за эти слова. Но я продолжал их говорить. В этот момент они были для больного именно тем, что ему следовало слышать. И во что верить.

Она улеглась, расправив платье, проведя дрожащими руками по животу. В котором давно отчаялась почуять новую жизнь. И посмотрела на меня. С надеждой и той самой жертвенной благодарностью, что я уже видел несколько раз в глазах других спасённых. Она была готова без тени сомнения умереть за князя и его семью. За одну только эту надежду.

Дар не подвёл. На этот раз как-то получилось совместить УЗИ и ГСГ, причём даже без контраста перед глазами картинка была чётко различимой. И были на ней те самые спайки-синехии, которые я и ожидал там увидеть, предполагая синдром Ашермана. Диагностику можно было считать завершённой успешно. Первичный диагноз, появившийся в ходе сбора анамнеза, подтверждался визуально, хоть и совершенно непривычно для советского врача. Вместо громадных махин томографов и рентгеновских аппаратов – рука врача. Необъяснимо. Сказочно. Невероятно. Но очень удобно и эффективно, как выяснялось.

– Готовьте её. А ты, Домна, не волнуйся. Всё будет хорошо. Жаль, конечно, будет матушку-княгиню без такой золотой помощницы оставлять, да пора уж тебе и своим домом пожить. Найдёшь красавца-всадника, ярого да смелого. Или стрелка из лучших, с глазом острым да рукой твёрдой. Или витязя-богатыря, что одной рукой весь дом поднимет, а второй – тебя с детьми.

То, как дрогнули ресницы и подбородок Буривоевой правнучки, Рысины слова подтверждало. Надежда, что полыхала в её глазах, стала невыносимой.

– Чую, мать, на свадьбе допьяна напьёмся, – подмигнул я Дарёне.

– Иди уж, Чародей, мойся. Сейчас привезём её и учеников пришлём, – улыбнулась в ответ она. Не забыв стукнуть трижды по лавке от сглазу.

Да, эта операция была не в пример лучше каждой из предыдущих. Начиная от самой первой, где пришлось вырезать отломок деревяшки из собственного тела. Продолжая безнадежными, но такими важными тогда попытками не спасти, а хоть на немного продлить жизни защитников жены и сына на том насаде в устье Почайны, когда едва не убили их нанятые ромеями головорезы. Не говоря уж о трудной работе с обескровленным братом Сильвестром,

Джакомо Бондини, бывшим агентом Святого Престола, или чудесным исцелением Кузьмы, нынешнего наставника молодой нетопыриной по́росли.

Да, у меня не было лапароскопического оборудования. Я им, признаться, и пользоваться-то не шибко умел – эти методы широко шагнули уже в то время, когда я был больше главным врачом, чем заведующим хирургией. Нет, я, конечно, продолжал изучать, читать, смотреть и слушать, нельзя хорошо делать свою работу, застряв в прошлом. Да, кто бы говорил, конечно... Но на современные и перспективные методики приглашал молодых, толковых, с горящими глазами. На этот счёт у нас были договорённости с мэром, которого я помнил ещё лопухим комсоргом. Я лечил и его, и его семью, и родню его жены, поэтому в городе всегда было под резервом от трёх до пяти квартир, которые предоставляли семейным врачам, готовым перебраться в нашу относительную глушь. Тогда чаще везло. Те, кто больше всего ценил деньги, не соглашались на муниципальное жильё в нескольких часах от столицы на электричке. Рвались в Москву-матушку, за длинными рублями, долларами и евро. Зато оставались те, кого я понимал лучше, и кто отлично понимал меня. Те, кому важнее были стабильность, покой и безопасность для своих семей, чем гипотетический журавль в равнодушном и пустом Московском небе.

Да, я опирался при подготовке к операции на необъяснимые картинки, что стал видеть с недавних пор. Тогда ещё скептически отметив, что того и гляди начну по́рчу снимать. На что князь резонно возразил, мол, до этой поры у тебя только наводить её выходило, зато ловко на изумление. Латиняне и норманны подтвердят. А потом и вовсе предположил, что картинки те душа моя сама себе выдумывает, потому как за столько лет работы навидалась всякого, и теперь может уверенно предполагать, что же там у живого человека внутри, даже не заглядывая. А то, что правдой те картинки выходят, так это от того, что я не все эти отведённые мне полвека в профессии бумажки подписывал и на комитетах заседал, а только последние несколько лет. А до этого только и делал, что резал живых людей вдоль и поперёк, беря иногда по два дежурства в неделю. От него, человека своей эпохи, полной непознанного и верой в Богов, духов и прочую эзотерику с точки зрения материалистической теории, слышать подобное было странно и неожиданно. Но мы, видимо, всё ближе становились друг к другу. Он не стеснялся узнавать и применять для пользы дела новое, я – старое. И если я не удивлялся тому, что динамит и порох работали и в дремучем Средневековье в полном соответствии с законами физики, то, наверное, не стоило удивляться и тому, что забытые в веках рецепты снадобий и гипнотическое воздействие наговоров тоже функционировали вполне себе исправно. Как говорил мой старший, объясняя когда-то давно что-то из школьной программы младшему: «Ты можешь верить в электричество, можешь не верить. Электричеству всё равно. Я вот ничего в этом не смыслю, но уважаю его. Хотя бы потому, что оно может ударить меня сильнее, чем я его». Для гуманитария – вполне себе аргумент.

Поэтому я промывал полости той самой вытяжкой тысячелистника, которая не только кровь запирала, как лучшие гемостатики моего времени, прямо на глазах, но и должна была помочь повысить уровень эстрогена. Пусть и чисто теоретически. Вкупе с солодкой и шалфеем, красным клевером и какими-то грибами и травами, названия которых мне не говорили ровным счётом ничего. Агафья сама объясняла деду Яру и Буривою, что было нужно. Старые волк с медведем раздали команды своим людям – и улетели со двора резвые жеребцы и кобылки в разные стороны Полоцкого княжества. И вернулись под утро, взмыленные одинаково, что кони, что всадники. И доставили всё необходимое. Но внутри я всё равно использовал то, что хотя бы примерно представлял, как работает. Тот же тысячелистник мы в детстве жевали с подорожником, залепляя горькой зелёной кашцей глубокие порезы и проколы. Тёртая морковь отлично помогала от начального воспаления ран. Про витамины К и эстрогены я тогда ничего не знал. Но травам и корнеплодам было всё равно. Они работали. Как электричество. Как неизвестная тогда термоядерная реакция на Солнце. Без объяснений, на чистой вере.

Обработав аккуратный и не очень большой шов, в очередной раз провёл по запястьям большими пальцами, пытаюсь привычно подцепить и стянуть перчатки. Которых по-прежнему не хватало. Как и резины в принципе, много для чего.

Домна дышала ровно, спокойно, глубоко. И должна была проспать до завтрашнего утра, Леся обещала, а сомневаться в её словах не было ни повода, ни желания. Протянул руки к кадушке, но воды так и не дождался. Ученики-ассистенты тарасили на меня глаза, лить на ладони, смывая кровь и отвары, никто словно не собирался.

– Ну чего замерли-то, орлы? – недовольно буркнул я.

Парни дёрнулись и, едва друг на друга не налетев, встали в очередь к ручной мойке. Севка, самый толковый из них, начал лить мне на ладони, наклоня большой кувшин. Иногда бросая непонятные взгляды.

«Понятные, ясные как день», – заметил Всеслав. «Ты на их глазах чудо совершил. Жизнь бабе вернул, смысл в той жизни. Коли получится у неё понести, выносить да родить, слава о тебе такая пойдёт, что, будь мы у Генриха, точно сожгли бы».

«Ну, во-первых, рано загадывать», – ответил я. «Во-вторых, не обо мне, а о тебе. А в-третьих, пусть очередь занимают. Нас желающих сжечь, отравить, зарубить, разорить целая толпа набралась. Весело им всем вместе будет, нескучно. В Пекле».

«Согласен. И сказано хорошо, и сделано ещё лучше. Что думаешь о ней?» – спросил он.

«Смотреть надо. Из того, что внутри я видел, мешать ничего не должно. Всё работает, проходимость восстановлена. Месяца два-три на поджигать, с процедурами регулярными, да на полгода где-нибудь травы эти заваривать да грибы тёртые принимать. Должно сработать», – уверенно заключил я.

«Не долго ли полгода-то?» – с сомнением переспросил Чародей.

«Для чуда – в самый раз. Знавал я сёмьи, где по пять-десять лет ребёнка ждали. И без счёту тех, кто не дождался лечения, решив, что проще мужа или жену поменять, чем ждать, пока старый выздоровеет», – без радости, но с не меньшей уверенностью отозвался я.

«Тьфу, срам-то какой! Это ж не быка или кобылу сменять, это ж род, семья!» – возмутился великий князь.

«И не говори. В моём времени много было хорошего, простого, удобного. Не иначе как разбаловался народ, ослаб, расхотел за счастье бороться. И памяти той не было в людях, как сейчас. Дедов-прадедов помнили, и то не все, а чтоб как Домна вон, на семь колен без запинки, по именам-прозваниям, да кто чем хворал – на сотню хорошо, если двое-трое вспомнили бы. Долго вытравливали память у народа».

«Беда... Ладно, нечего так далеко вперёд заглядывать. Глядишь, и по иному пути потекут истории воды, как ты говоришь. Раньше смерти помирать не станем», – заключил он. И я был с ним полностью согласен, и в профессиональном, и в человеческом смысле слова.

– Как думаешь, Всеславушка, ладно ли всё с Домной будет? – спросила уже засыпая вечером Дарёна.

– Не знаю, радость моя, – честно ответил он. – Врач говорит, сделал всё так, что лучше и не придумаешь. Теперь от неё всё зависит, чтоб не утруждалась хоть три недели ближайшие, да чтоб снадобья принимала вовремя и сколь там потребно их. Он-то в наших лекарствах не особо понимает.

– А как же нитки-то внутри там у ней? Не повредят ли ребёночку?

– Так это же тот, как бишь его... Кетгут! – выудил из моей памяти князь непривычное слово. Так оказалось быстрее, чем рыться в его собственной. – То нити особые, они сами собой исчезают, как рана заживает. Он объяснял мне. Вроде как тело их само в себя принимает без

остатка, только крепче в том месте становясь. Не бойся ничего, ладушка, спи уже. Завтра Ромка приезжает, праздник будет большой. Надо выспаться.

– И то верно. Добрых снов, муж дорогой, – тихонько, как кошка, зевнув, прошептала она.

– И тебе добрых снов, родная, – поцеловал он её в макушку, когда жена удобнее пристроила щеку на его широкой груди.

Всеслав Чародей, великий князь русский, и Дарёна Разумница, воеводина дочь, а ныне великая княгиня, крепко спали. В то самое время, как мы с ним же, сидя за привычным призрачным столом над семейным ложем, говоря о прошедшем дне и о только предстоящем. В который раз радуясь успехам и достижениям сыновей и верных людей, воинов, розмыслов-разведчиков, торговых и мастеровых. Заглядывая, пусть и очень осторожно, чтоб, как настаивал Всеслав, не злить Богов, в более отдалённое будущее.

Вспомнили, как загорелись идеей великого князя патриарх и волхв. Буриной выглядел плохо, как тот, кто не спал минимум пару ночей, но держался. Регулярно осаживая Ставра, когда безногий убийца в запале снова терял берега и начинал в своей любимой перестраховочной манере выдавать вовсе уж фантастические сценарии. Но в целом план был принят несколькими редкими, но ценными замечаниями.

Вспомнили, как едва ли не до матерной ругани расстроился Гнат, узнав от отца Ивана о том, что погоды на северном и южном берегах Русского моря отличаются очень ощутимо. С нашей стороны бывали, пусть и нечасто, снежные зимы. С ромейской стороны снега, так, чтоб выпал и пролежал хотя бы недельку, старики не припоминали. Давно не видели ледяных заторов ни Боспор, ни бухта Золотого Рога. Мысль прокатиться с ветерком на саночках, чтоб подвезти второй кол и удивить им несказанно империю, рассыпалась на куски, не выдержав натиска Средневековой Климатической Аномалии, известной так же как Средневековый оптимум. Когда об этом зашёл разговор, вспомнились мне уроки географии в самом конце сороковых годов двадцатого века, когда благообразный старичок-учитель, про которого тихо говорили: «из бывших», рассказывал интересно о том, как менялась погода на Земле в течение веков. Но смотреть на Рысь было гораздо веселее, чем вспоминать старого приват-доцента. Воевода горячился, практически рвал и метал, понося последними словами и ромеев, и море, и сельджуков за что-то, и отдельно, с особым цинизмом, всякие неприкаянные души, каким можно было бы и заранее предупредить, что на тех «буераках», как он настойчиво именовал буеры, до Царьграда не добраться никак. И лишь прооравшись от всей души, плюнул и согласился с предложенным планом. Отдельно резко категорично настояв на том, что пусть не по Византии, но хотя бы по Булгарским степям с ветерком на чудо-саночках, в какие вместо коней впряжены ветра-Стрибожьи внуки, он прокатится непременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.